

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

ГРУППА АНТИТЕРРОР

СЮРПРИЗ ДЛЯ
«ВОИНОВ АЛЛАХА»

Максим ШАХОВ

Полковник ФСБ Виктор Логинов

Максим Шахов

Сюрприз для «воинов Аллаха»

«ЭКСМО»

2004

Шахов М. А.

Сюрприз для «воинов Аллаха» / М. А. Шахов — «Эксмо»,
2004 — (Полковник ФСБ Виктор Логинов)

Терроризм давно стал приметой нашего времени. Вот и на Олимпийских играх в Афинах главари Аль-Каиды собираются наказать «неверных». И замышляют устроить теракт похлеще атаки на небоскребы в Нью-Йорке. Смертоносный газ может за несколько минут уничтожить сотни тысяч людей, приехавших со всего мира на праздник спорта. Но планы террористов случайно стали известны полковнику ФСБ Виктору Логинову. У него за плечами школа «Альфы», так что он в одиночку готов вступить в бой с «воинами Аллаха». Только бы греческие спецслужбы не мешали...

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	11
5	14
6	15
7	16
8	19
9	20
10	22
11	24
12	26
13	28
14	30
15	33
16	35
17	36
18	38
19	40
20	43
21	45
22	46
23	48
24	50
25	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Максим Шахов

Сюрприз для «воинов Аллаха»

Под маской терроризма нет ничего человеческого.
Григорий Стернин

1

*Пакистан, Сулеймановы горы,
апрель 2004 года*

Ветер – обжигающий, ледяной – дул без остановки. Внизу, в долине, уже давно наступила весна. Здесь же, на высоте почти трех тысяч метров, было холодно, словно на полюсе.

Серые безжизненные отроги Сулеймановых гор, нависшие над едва заметной тропой, казалось, вот-вот не выдержат натиска бури и обрушатся. Но впечатление было обманчивым. Подобные бури для северной оконечности Сулеймановых гор были не исключением, а правилом. Ветра дули здесь триста пятьдесят дней в году вот уже тысячи лет. Так что все, что могло, уже давно обрушилось.

За тысячи лет ни одно живое существо так и не приспособилось к жизни в этом продуваемом насквозь холодильнике. В местном фольклоре даже не фигурировал йети, или снежный человек. Растительность, правда, в горах присутствовала – в виде куцых вкраплений мха в скальных породах и каких-то, скальных же, колючек. Но в общем и целом место было гиблое – нога человека не ступала здесь порой десятки лет кряду.

Тем удивительнее было, с каким упорством пробивался наверх небольшой караван, состоящий из двух мулов и трех человек, закутанных по самые брови в клетчатые платки. Три дня назад они вышли из Форт-Сандемана, небольшого пакистанского городка, расположенного на берегу одного из притоков Инда, и уже практически выбились из сил. Но цель была уже близка.

Им оставалось сделать всего несколько шагов по краю бездны, когда впереди из расщелины высунулся автомат Калашникова и вой ветра перекрыл предостерегающий гортанный вскрик на фарси...

2

*Москва, Лубянка,
июль 2004 года*

Полковник Управления по борьбе с терроризмом ФСБ РФ Виктор Логинов до хруста потянулся и повернул голову к окну. За окном светило солнце, легкие облака лениво плыли по небу над столицей. Конец июля – разгар отпускного сезона. Даже облака, похоже, понимали это и старались не делать резких движений.

Почти треть сотрудников ФСБ находилась в законных отпусках. Коридоры Лубянки заметно опустели. В последнюю пару месяцев работы у Управления по борьбе с терроризмом было немного. Справка, которую только что закончил печатать на компьютере Виктор, красноречиво об этом свидетельствовала.

Казалось бы, радоваться надо, но Логинов никакой радости не испытывал. Напротив, в последнее время Виктор ощущал странное и вроде бы беспричинное беспокойство. И беспокойство это со временем нарастало.

Пришла бессонница, а когда Логинов все-таки засыпал под утро, ему снились какие-то жуткие кошмары в стиле американских блокбастеров – с захватами самолетов, пароходов, станций метро и небоскребов. В результате Виктор не отдыхал и приезжал на работу совершенно разбитым. А здесь его ожидали горы бумаг – отчеты, справки, меморандумы и еще черт знает что...

Происходящее здорово не нравилось Виктору, но обращаться к врачам с такой мелочью он, конечно, не стал. О том, что практически все оперативные сотрудники спецслужб с точки зрения медицины психи, всем давно известно. Собственно, для того чтобы поставить такой диагноз, врачом быть вовсе не обязательно. Если человек за смехотворную зарплату изо дня в день рискует жизнью, то кто он, если не псих? Так что тут ничего не попишешь – просто работа такая.

Но сам в себе Виктор разобраться пытался. Картинка получилась любопытная. За последнее время он в порядке очередности пережил следующие события: получил долгожданное звание полковника, окончательно разругался с любимой женщиной и был назначен исполняющим обязанности замначальника УБТ, поскольку его непосредственный начальник генерал Максимов сперва приболел, а потом сразу с больничного по рекомендации врачей отправился в отпуск.

Проанализировав эти события, Логинов попытался себя убедить, что его «колбасит» совершенно закономерно. Цепочка выстроилась убедительная. Во-первых, он слишком долго ждал присвоения очередного звания. Настолько долго, что подсознательно стал придавать этому гипертрофированно большое значение. Когда же это наконец случилось, Виктор вдруг обнаружил, что третья звезда на погон для него ровным счетом ничего не значит. В душе он остался «альфовцем». А «альфовцы» к званиям всегда относились философски. Когда наступал час «Х», под пули шли все – и лейтенанты, и полковники...

Не успел Логинов смириться с этим первым разочарованием, как на него навалилась другая беда – разрыв с Клавой. Он-то и опоздал всего на два часа, но к тому времени госпожа Волочкова успела с горя как следует набраться. И выложила едва появившемуся на пороге Виктору все, что она о нем думала. В заключение, в знак окончательного разрыва, Клава метнула в голову Виктора довольно дорогую и тяжелую вазу китайского фарфора. От вазы Логинов, конечно, легко увернулся, но поймать раритет не смог – уж слишком сильно со злости запустила его Клава. В результате ваза разлетелась на кусочки, как и их с Волочковой непростые отношения. Физических увечий при разрыве Логинов избежал, но психическую травму получил. И довольно тяжелую.

Само собой, что эти два вроде бы не связанные между собой события гармонии внутреннему миру Виктора не добавили. Впрочем, Логинов привык к разочарованиям. Он переживал и не такое. Рецепт лечения был прост – работа. Именно она всегда позволяла Виктору оставаться на плаву. Вступая в очередную схватку с террористами, Логинов отдавался ей без остатка и забывал обо всем на свете. Ведь на кону были жизни десятков, сотен, а порой и тысяч ни в чем не повинных людей. На фоне этого личные проблемы Виктора меркли, казались смешными и надуманными...

Однако в этот раз привычного «лечения» Виктор не получил. Во-первых, его назначили исполнять обязанности генерала Максимова, а во-вторых, на террористическом фронте обозначилось странное затишье. Было похоже, что террористы вместе со всеми нормальными людьми решили передохнуть, чтобы возобновить свою деятельность осенью. В результате Логинов погряз в бесконечных и бессмысленных «бумажных» делах.

Две недели он убил на переписку с интендантами по поводу новых норм вещевого довольствия. Потом упорно «воевал» с другими управлениями ФСБ за автотранспорт для оперативных нужд. И выбил-таки два новых «Форда» для УБТ. Это, конечно, было хорошо, но Виктор, привыкший воевать не на бумаге, а в условиях, приближенных к боевым, чувствовал себя все хуже и хуже...

В общем-то, вывод напрашивался сам собой. Заключался он в том, что Логинов давно превратился в работоголика и эдакого «пса войны», который без риска и регулярных адреналиновых выбросов уже не может жить.

Все вроде бы было ясно. И понятно. Но где-то в подсознании Логинова нет-нет да и проскальзывала мысль, что все не так просто. И его беспокойство вызвано не только и не столько житейскими неурядицами, а чем-то другим – намного более важным. Только вот понять чем, Логинов никак не мог...

3

*Пакистан, Сулеймановы горы,
апрель 2004 года*

Проводник-пакистанец ожидал подобного приема и просто остановился на тропе, придерживая мула и поднимая руки. Двоих же его спутников крик невидимого талиба застиг врасплох. Инженер Абукири, египтянин по национальности, невольно вздрогнул и подался в сторону...

Его нога тут же соскользнула с тропы, вниз посыпались камни. Абукири отчаянно взмахнул руками, стараясь сохранить равновесие, но тщетно – бездна уже готова была принять его в свои объятия. Абукири попытался вскрикнуть, но не смог – перехватило дыхание... И тут вдруг инженер почувствовал, как стальная рука Халида вцепилась ему за шиворот. Один рывок – и Абукири оказался у скалистой стены в безопасности.

Все произошло настолько быстро, что проводник-пакистанец даже ничего не заметил. Подавшись вперед с поднятыми руками, он крикнул:

– Аллах акбар, Абай! Это я!..

Секунду талиб рассматривал из расщелины пакистанца, потом наконец высунулся из своего укрытия:

– Аллах акбар! Проходи! Светлейший уже второй день ждет вас. Почему так долго? Все в порядке?

– Да, все нормально. Погода, Абай. Погода... – пожал плечами пакистанец и дернул за уздечку мула: – Ну, пошел!

Следом за пакистанцем расщелину миновали Абукири с Халидом. Через несколько метров скалы вдруг отступили от края пропасти, и усталые путники оказались на небольшой площадке, утыканной хаотическим нагромождением валунов. Ветер здесь был заметно слабее.

Абукири опустил с лица платок и вздохнул полной грудью, с интересом оглянувшись. За тысячи лет ни один биологический вид не смог приспособиться к жизни в Сулеймановых горах. Зато их сделал своим надежным убежищем Светлейший. Человек, который для миллионов мусульман во всем мире стал живым богом. Человек, помеченный печатью Аллаха...

За одним из валунов – Абукири сразу понял это – скрывался вход в легендарную пещеру. Не Аладдина, а Светлейшего. О том, что эта пещера существует, догадывались все. Но вот о ее точном местонахождении знали единицы. Ведь за информацию об этом ЦРУ было готово заплатить сто миллионов долларов. Плюс обеспечить предателю полный комплекс услуг по программе защиты свидетелей: предоставление американского гражданства, смену имени, данных о рождении и пластическую операцию у лучших специалистов...

Тайну пещеры Аль-Каида хранила как зеницу ока. И то, что Абукири находился здесь, говорило об одном – ему оказано высочайшее доверие. Фактически он стал одним из посвященных. Одним из тех немногих, кто удостоился чести еще в этой жизни прикоснуться к Светлейшему.

От прилива чувств на глазах Абукири выступили слезы. С замиранием сердца он ждал того мига, когда вход в легендарную пещеру откроется и он предстанет перед глазами земного бога.

Но прежде чем это произошло, Абукири с Халидом тщательно обыскали возникшие из-за валунов вооруженные люди в черном – личная гвардия Светлейшего. Потом проводника-пакистанца с мулами куда-то увели. Абукири с Халидом взял под свою опеку начальник охраны. Он привел их к едва приметной расщелине, укрытой со всех сторон валунами, а сверху – природным скальным козырьком.

Абукири немало удивился – расщелина была столь узка, что в нее с трудом протиснулся бы и младенец, не говоря о взрослом мужчине. Но протискиваться никуда не пришлось.

Начальник охраны Светлейшего просто сунул в расщелину руку. Судя по всему, там было спрятано переговорное устройство, потому что секунду спустя он пробормотал неразборчивые слова пароля.

Ответа не последовало, зато спустя несколько секунд Абукири с еще большим удивлением обнаружил, что правая стена расщелины пришла в движение. Невидимый механизм наконец открыл довольно узкий вход в пещеру.

Первым в нее шагнул начальник охраны, за ним вошли Абукири с Халидом. Их встретили две молчаливые фигуры в черном и «калашниковыми» наготове. Глаза талибов горели готовностью немедленно нажать на спусковой крючок, если вошедшие вдруг окажутся врагами.

– Все в порядке, – ровным голосом сказал начальник охраны. – Этих людей уже два дня ждет Светлейший...

Миновав в темноте талибов и повернув, гости оказались в освещенном коридоре. Пройдя по нему, начальник охраны открыл дверь. Здесь его уже ждали двое подчиненных. Они еще раз обыскали гостей – со всей тщательностью и с применением технических средств. Абукири довольно унижительную процедуру перенес безропотно. Халид же заметно хмурился.

Заметив это, начальник охраны ровным голосом произнес:

– Враги слишком сильны. И только соблюдение всех мер безопасности не дает им добраться до Светлейшего. Все в воле Аллаха, но даже он не может гарантировать, что неверные не попытаются использовать кого-то из нас помимо его воли во вред Светлейшему...

Говоря это, начальник охраны не мигая смотрел на Халида – словно подозревал, что именно его кафицы решили использовать во вред живому богу. И безжалостный убийца Халид дрогнул. И потупился.

– Я понимаю... – пробормотал он.

Таким Абукири видел Халида впервые. Начальник же охраны все тем же ровным голосом произнес:

– Это хорошо. Потому что наши жизни, по сравнению с жизнью Светлейшего, ничто. Лучше пусть умрем все мы, чем хоть один волосок упадет с его головы...

На это Халид не нашелся что ответить. Когда обыск был закончен, начальник охраны подождал, пока гости приведут себя в порядок, а потом знаком приказал им следовать за собой.

Святая святых располагалась на нижнем этаже пещеры. Спустилась троица туда на механическом лифте. Охраняли его, заодно выполняя обязанности привода, трое одетых в черное талибов.

Еще трое встретили прибывших на нижнем этаже. По знаку начальника охраны, они расступились. Взору Абукири открылся короткий коридор, освещенный матовыми лампами. Судя по тому, как изменилась походка начальника охраны, они приближались к святой святых секретной пещеры. Сердце в груди Абукири забухало. Через несколько секунд он должен был увидеть Светлейшего...

Но, прежде чем это произошло, навстречу прибывшим шагнул невысокий человек, видом и одеждой напоминавший индуса. Впрочем, этот человек был соотечественником Абукири – египтянином. И личным врачом живого бога.

Сухо поздоровавшись, он полупшепотом произнес:

– Светлейший ждет вас. С утра ему нездоровилось, и я сделал ему укол. Поэтому постарайтесь не слишком утомлять его лишними разговорами. Если что-то нужно будет, он спросит сам. Ясно?

Гости в знак согласия склонили головы. Болтать у двери обиталища живого бога не подобало.

– Тогда следуйте за мной, – сказал египтянин.

Сделав пару шагов по коридору, он открыл дверь. Абукири с замиранием сердца шагнул через порог вслед за ним...

Усама бен Ладен – для кого-то живой бог, для кого-то самый опасный в истории человечества преступник – был плох. Вернее сказать, он был очень плох. Человек, видео – и портретные изображение которого заполнили весь мир, лежал на ложе у стены совсем небольшой пещеры. Обстановка в обиталище земного бога была спартанской. Кроме невысокого ложа, пещера была «меблирована» только несколькими коврами.

У изголовья ложа лежал потрепанный Коран, над ним на ковре висел «калашников». Под стенкой стояли кувшин с водой и пиала. И только огромный телевизор в углу напоминал о том, что гости находятся не в келье ушедшего от жизни монаха, а в жилище человека, который держал в страхе весь мир и перед одним именем которого трепетали супердержавы – с их авианосцами, атомными подводными лодками, баллистическими ракетами и вышколенными спецназовцами...

Тщедушный, словно мальчик, Усама лежал на ложе. Его тонкие руки покоились поверх покрывала. Восковое лицо с заострившимися чертами поражало своей бледностью.

Доктор-египтянин сделал знак гостям остановиться, сам же неслышно приблизился к ложу и скорее прошелестел, нежели произнес:

– Светлейший...

Ресницы бен Ладена дрогнули. Едва он открыл глаза, египтянин наклонился и все так же тихо сказал:

– Те, кого ты ждал, уже здесь.

– Слава Аллаху!.. – слабым голосом произнес Усама и попытался приподняться.

Доктор тут же пришел ему на помощь. Легко, но бережно приподняв иссушенное болезнью тело бен Ладена, он подложил несколько подушек и шагнул в сторону, к изголовью, чтобы быть рядом.

По знаку египтянина гости по очереди шагнули к ложу и, опустившись на колени, прикоснулись к Светлейшему, хриплыми от волнения голосами произнесли слова приветствия.

Когда с церемониями было покончено, Абукири и Халид уселись на ковер, подвернув под себя ноги и прикрыв их халатами. Усама сделал несколько глотков из поднесенной врачом-египтянином пиалы и провел дрожащей от слабости рукой по своей бородке.

– Я ждал вас еще вчера, – начал он. – И уже начал беспокоиться, что вы попали в лапы псов Мушаррафа. В дороге все было в порядке?

– Да, Светлейший! – кивнул Халид. – Просто нас задержала погода. В горах буря. Мы сразу выбились из графика, но предупредить не могли. В Форт-Сандемене твой человек отобрал у нас мобильные телефоны...

Усама кивнул – из-за охоты на него практически всех мировых спецслужб меры безопасности приходилось предпринимать самые жесткие. Но другого выхода не было.

Убежище в Сулеймановых горах, казалось, было предоставлено Усаме самим Аллахом. Из-за бесконечных ветров и дымки это место триста пятьдесят дней в году не просматривалось с американских спутников-шпионов. Именно поэтому американцы до сих пор и не смогли напасть на след лидера Аль-Каиды, хотя абсолютно точно знали, что он находится на территории Пакистана. Вот только искали его на границе с Афганистаном и на севере Пакистана в районе горы Тиричмир. Поначалу убежище действительно собирались оборудовать там. Но от этой идеи пришлось отказаться – в районе Тиричмира больной Усама не смог бы выжить физически. При его проблемах со здоровьем находиться на высоте шести тысяч метров было равносильно самоубийству. Даже здесь, в Сулеймановых горах, ему было трудно дышать, но с этим приходилось мириться...

4

*Москва, Лубянка,
июль 2004 года*

Телефон внутренней связи на столе негромко зажуужал. Виктор повернулся, подцепил трубку и ответил:

– Логинов, слушаю...

Звонил начальник УБТ генерал Локтионов.

– Витя, ты справку сводную по отделам мне на коллегия подготовил?

– Подготовил, Олег Николаевич, будь она неладна... – вздохнул Виктор.

– Так давай неси, чтоб я ее успел просмотреть и уточнить вопросы!

– Уже несу!

Щелкнув пару раз «мышкой», Логинов вывел документ на печать и нехотя облачился в пиджак. Костюмов он терпеть не мог, всегда предпочитал свободные брюки и удобные куртки спортивного покроя. Но исполнение обязанностей замначальника управления предполагало официальные встречи с руководством и посторонними. Появляться на них в «оперативном прикиде» было бы дурным тоном. Логинов это прекрасно понимал, поэтому скрепя сердце вот уже больше месяца облачался по утрам в свой единственный костюм – старый, но отлично сохранившийся благодаря тому, что за пару лет Логинов одевал его всего три раза.

Сунув в сейф документы и закрыв его на ключ, Логинов взял свежееотпечатанные листы справки, положил их в папку и отправился к Локтионову.

Генерал с нетерпением ждал его. Взяв папку, он кивнул:

– Присаживайся! Кури, если хочешь...

Разрешение курить было проявлением высшей степени расположения со стороны начальника УБТ. Из-за проблем с сердцем генерал Локтионов курить бросил и на сигаретный дым реагировал крайне болезненно.

Виктор решил начальника пощадить и сигареты доставать не стал, просто уставился сквозь полуприкрытые жалюзи за окно, где по голубому небу проплывали безмятежные облака. Несмотря на эту идиллическую картинку, чувство беспокойства не оставляло Виктора...

Генерал Локтионов тем временем бегло просмотрел листы справки, делая пометки. Покончив с этим, он уточнил у Виктора неясные моменты. Тот отвечал без запинки, хотя вид при этом имел несколько отвлеченный. Вроде как думал о чем-то своем.

От внимания генерала Локтионова это не ускользнуло и, покончив с вопросами, он спросил:

– У тебя какие-то проблемы, Витя?

– Да нет, какие проблемы, Олег Николаевич?.. – вздохнул Логинов. – Так, ерунда...

– Ты уверен? Я уже не первый день замечаю, что ты какой-то не такой.

– Да нет, все в порядке. Просто рутина эта бумажная заела. Достали эти справки с мемурандами. Отпустили бы вы меня, а, Олег Николаевич?

– В каком смысле – отпустил?

– В прямом. Не хочу я исполнять обязанности замначальника управления. Я «на землю» хочу.

– Ишь ты как заговорил! – саркастически ухмыльнулся Локтионов, сдернув с носа очки и откинувшись в кресле. – Как начальство критиковать – так самый первый! А как влез в эту шкуру, так сразу лапки кверху поднял? Так, что ли?

– Так, Олег Николаевич... – потупился Виктор. – Не мое это. Террористов ловить – это да. А штаны протирать да бумажки с места на место перекладывать – увольте...

Тут Локтионов вспылал:

– Это что, на меня намек, что ли? Это я тут штаны протираю, пока ты террористов ловишь? Да у меня из-за этой проклятой работы уже три инфаркта было!

– Да нет, Олег Николаевич, я не имел в виду конкретно вас. И вы это прекрасно понимаете...

– Понимаю, – кивнул Локтионов. – Поэтому давай-ка поговорим с тобой начистоту.

– Давайте...

– Я сегодня связывался с Максимовым...

– И что, скоро он выходит на работу?

– В том-то и дело, что здоровье у него ни к черту! Как и у меня, кстати. В общем, я ни о чем таком не говорил, Максимов сам эту тему затронул.

– Какую тему?

– Смены поколений, Витя, – вздохнул Локтионов. – Нам с Максимовым до пенсии еще далеко, но мы, по сути, уже инвалиды. Слишком много здоровья угробили, протирая, как ты выразился, в кабинетах штаны да бумажки перекладывая... – Виктор хотел было что-то возразить, но Локтионов его остановил жестом. – Так вот, свое здоровье мы с Максимовым угробили на то, чтобы по кирпичику воссоздать Управление по борьбе с терроризмом, которое наши демократы развалили в девяносто первом. Хорошо или не очень, но мы с этой работой справились. Управление работает. Если посчитать, сколько жизней россиян его сотрудники спасли за это время и взрывы с захватами скольких объектов предотвратили, получится небольшой город. А может, и большой. С больницами, школами, садами, вокзалами... Так что штаны мы с Максимовым протирали не зря. Вот только здоровье уже не то. В общем, через полгода-год Максимов уйдет на пенсию. Врачи его предупредили, чтобы готовился...

– Но...

– Да подожди ты! Что за дурацкая привычка старших перебивать? Так вот, в связи с этим встает вопрос о том, кто придет на наше место. Я имею в виду и себя, потому что я не намного здоровее Максимова. Охотников «порулить» со стороны, конечно, масса. С «волосатыми» лапами, я имею в виду. Но зачем нам варяги, которые наше управление превратят в «крышу» для коммерческих структур? Или еще во что похуже... Не для того мы с Максимовым гробили себя, чтобы такое наблюдать. Поэтому мы и договорились: уйдем только тогда, когда будем уверены, что дело нашей жизни в надежных руках. В общем, Максимов предложил, а я с этим согласился, что самое время начинать тебя двигать...

– Куда двигать?

– По служебной лестнице. Чтобы к тому времени, когда я уйду, ни у кого не возникло бы и тени сомнения, что место начальника УБТ должен занять ты...

– Да вы что, смеетесь? – с явным испугом уставился на Локтионова Виктор.

– Отнюдь. Это наше с Максимовым единодушное решение. Неофициальное. И обсуждению оно не подлежит. Если хочешь, это наше предсмертное волеизъявление, до времени запечатанное в конверте...

– О господи...

– А такое волеизъявление, Логинов, является обязательным к исполнению. Поэтому «господькай» или не «господькай», но потихоньку готовься. Свыкайся с мыслью, что рано или поздно этот груз тебе придется взвалить на себя. Не завтра и не послезавтра. Но будь к этому готов. Морально. А за остальное не беспокойся. Мы с Максимовым старые аппаратные волки. Так что исподволь, тихой сапой это дело провернем. И начну я это прямо сегодня, на коллегии. Если будет икаться, не волнуйся, это я буду к месту и не к месту упоминать тебя в своем отчете. Уяснил?

Вместо ответа Виктор протяжно вздохнул и потянулся за сигаретой. Ощущение у него было такое, что окружающие, словно сговорившись, решили его доконать. Окончательно.

Локтионов посмотрел на часы и повернулся к сейфу. Открыв его, он вытащил оттуда пухлую папку и бухнул ее на стол:

– Держи...

– Что это? – уставился на папку Виктор.

– Это меморандум, подготовленный информационно-аналитическим управлением к заседанию комиссии по борьбе с терроризмом при Президенте РФ. По должности я должен с ним ознакомиться и завизировать, сопроводив, в случае необходимости, своими соображениями. Но я поручаю это дело тебе. Как своему заму. Привыкай. А там, наверху, пусть привыкают к твоей фамилии... Ясно?

– Но... – попытался было возразить Виктор.

– Это приказ, Логинов! – поднялся на ноги Локтионов. – И выметайся со своей сигаретой из моего кабинета. Я уже и так опаздываю из-за тебя на коллегию. Чтоб завтра к вечеру завизированный меморандум был у меня. Так что принимайся за работу...

5

*Пакистан, Сулеймановы горы,
апрель 2004 года*

– Неверные слишком сильны, – вздохнул Усама. – Но с нами Аллах! И это делает нас непобедимыми!.. – Все присутствующие в пещере согласно кивнули, и бен Ладен наконец перешел к главному. К тому, ради чего и пробивались с риском для жизни гости в Сулеймановы горы:

– Мне в общих чертах рассказали о твоём плане, Абукири. Я много думал о нём и теперь хочу услышать все ещё раз от тебя, в подробностях...

– Конечно, Светлейший!.. – порывисто вскрикнул Абукири, но Усама тут же осадил его жестом:

– Не называй меня Светлейшим! Мы все воины Аллаха. Просто кто-то, по мере сил, делает больше, кто-то меньше. Если я пригласил вас с Халидом сюда, это значит, что я считаю вас своими братьями! Поэтому называй меня просто по имени. Понял?

– Как скажешь, Свет... то есть Усама! – с ещё большим воодушевлением вскрикнул Абукири. – Я, как инженер, был поражен гениальной атакой Аль-Каиды на Нью-Йорк! Я сам проектировал в университете высотные дома и знал, что запас прочности у них десятикратный, они рассчитываются на семибалльные землетрясения! И когда я смотрел по телевизору, как небоскребы Торгового центра рушились, я просто не мог в это поверить. И с тех пор я все время думал о том, как сделать что-нибудь подобное во имя Аллаха и преподнести неверным ещё один урок! И вот месяц назад, когда я смотрел по телевизору репортаж, в котором рассказывалось, что НАТО превратит олимпийские Афины в неприступную крепость, меня осенило! Я вдруг понял, что Афины можно превратить в город мертвых и сорвать Олимпиаду неверных! Вот тогда я и попросил Азиза передать мой план тебе, Усама!

– Ты правильно сделал, Абукири, – кивнул бен Ладен. Энергичная речь египтянина подействовала на него, словно укол промедола. На восковых щеках Усамы проступил румянец, осанка выпрямилась – казалось, Светлейший глотнул живой воды. – Неверные давно не получали хорошего урока! Пришла пора поставить их на место и напомнить, что в этом мире все в воле Аллаха! Итак, приступай к изложению своего плана! Мне не терпится услышать подробности из первых уст!

– Как скажешь, Свет... то есть Усама! – кивнул Абукири и с лихорадочным блеском в глазах принялся излагать свой план атаки на олимпийские Афины.

План, который, в случае успешной реализации, должен был не только затмить собой атаку Аль-Каиды на Международный торговый центр в Нью-Йорке, но и сорвать Олимпиаду, сделав Афины городом мертвых...

6

*Москва, Лубянка,
июль 2004 года*

Вернувшись к себе от генерала Локтионова, Логинов со злостью швырнул пухлую папку на стол и включил чайник. Пока он закипал, Виктор стоял у окна и курил, глядя на безмятежное небо над столицей.

Однако ни никотин, ни идиллический пейзаж не помогали. Чувство тревоги не уходило. Оно стало осязаемым. Казалось, будто в подсознании Виктора кроваво-красным светом мигает лампа тревоги.

– Черт! Что все-таки со мной происходит?... – вздохнул Логинов.

Затушив сигарету в пепельнице, он заварил себе огромную чашку чая и плюхнулся в кресло. Работать не хотелось, но Виктор усилием воли заставил себя открыть папку. Титульный лист меморандума был снабжен грифом «Совершенно секретно», а также другими атрибутами канцелярского документа. Среди прочих имелась и графа, в которой предстояло расписаться Логинову.

Отложив этот лист в сторону, Виктор погрузился в чтение. Нормальному человеку читать подобные документы непросто. Авторы, осознавая свою ответственность, стремятся пользоваться строгими научными терминами, в результате чего самое простое предложение превращается порой в полутрастраничную головоломку.

Но Виктор за месяц поднатерел в искусстве дешифровки, поэтому текст читал бегло, схватывая суть и пропуская второстепенное. Одолев тридцать страниц одним махом, он потянулся за чаем. Несмотря на громоздкость, документ был составлен толково и заинтересовал Виктора.

Попив чаю, он прикурил сигарету и продолжил чтение. Причем его все больше и больше охватывало возбуждение. Практически все факты, приведенные в меморандуме, Виктору были известны. Вот только у него не было ни времени, ни подготовки, ни желания вот так подробно изложить их на бумаге и систематизировать.

Смысл меморандума сводился к следующему: конец прошлого и начало нынешнего года были ознаменованы крупными вылазками чеченских террористов и боевиков. В мае, сразу после покушения на высших должностных лиц Чечни на грозненском стадионе «Динамо», их активность резко пошла на убыль, в июне-июле тенденция сохранилась (все это было проиллюстрировано исчерпывающими статистическими выкладками). Это было тем более удивительно, что в прошлые годы ситуация складывалась с точностью до наоборот: именно с наступлением тепла террористы активизировались, а зимой предпочитали отсиживаться, переходя на легальное положение.

Проанализировав огромное количество сопутствующих факторов на пятидесяти страницах, авторы меморандума наконец пришли к оптимистическому выводу: на фронте борьбы с терроризмом обозначился коренной перелом. Скоординированные действия международного сообщества лишили террористические организации финансовой подпитки. Действия спецслужб внутри России нанесли террористам значительный урон. Грамотная политика федерального центра в Чечне (референдум, выборы, передача власти местным органам) лишила террористов опоры. И население Чечни, и диаспора начали отворачиваться от них...

– Черт! – вскочил Виктор, дочитав меморандум до этого места. – Это оно! Как же я раньше не понял?..

Быстро прикурив сигарету, Логинов глубоко затянулся и нервно прошелся по кабинету. Он наконец-то понял, что подсознательно не давало ему покоя все это время...

7

*Пакистан, Сулеймановы горы,
апрель 2004 года*

Сиплым от волнения голосом инженер Абукири изложил свой план. Когда он умолк, в пещере Светлейшего на несколько секунд воцарилась тишина. План был простым, но эффективным. И все присутствующие невольно представили Афины 14 августа 2004 года – в день, когда должна была открыться Олимпиада неверных. Именно в этот праздничный день древний город должен был пережить настоящий Апокалипсис – с воем сирен, стрельбой, паникой, тысячами трупов и смертью, которая черным знаменем джихада нависнет над древним Акрополем...

Даже Халид – прирожденный убийца с куцым от природы воображением – молчал как замороженный. До этого дня он считал инженеров никчемными людишками. Впрочем, как и представителей всех остальных профессий. Только воинов Аллаха, борцов за веру, Халид считал настоящими людьми, достойными уважения. Но план Абукири заставил Халида посмотреть на египтянина по-другому: он вынужден был признать, что этот лысоватый увалень с непропорциональной фигурой сможет убить неверных больше, чем тысячи Халидов за сто жизней.

Молчание нарушил Усама:

– Это замечательный план, Абукири. Если он сработает, я смогу с чистой совестью оставить свое брненное тело и отправиться наконец к Аллаху. Но претворить его в жизнь будет нелегко, слишком много людей придется задействовать...

– Я сам думал об этом, – кивнул египтянин, – как инженер... Чем больше в конструкции деталей, тем выше риск, что одна из этих деталей не сработает как надо. Но по-другому не получится. Одному или даже нескольким нашим людям такое не под силу.

– А ты что скажешь, Халид? – обратился Усама ко второму гостю.

– Клянусь Аллахом, мы должны попытаться это сделать! В атаке на Нью-Йорк тоже участвовало большое количество моих людей, но мы достигли цели!

– Это так, – кивнул Усама. – Но в Америке на нашей стороне был фактор неожиданности. Мы застигли неверных врасплох. Сейчас же они будут на чеку. Поэтому мы не сможем использовать в Афинах твоих арабов. Это первое. Второе – при атаке на Нью-Йорк в нашем распоряжении было несколько самолетов. Поэтому то, что не все из них достигли намеченных целей, не помешало главному. В данном случае ситуация другая. Шанс у нас будет только один...

– Да, – кивнул Халид. – Но он вполне реален.

– Согласен, – задумчиво кивнул Усама. – Но тогда ты должен будешь предусмотреть все риски, чтобы застраховаться от случайностей. Для этого нужно будет разбить исполнителей на звенья, которые бы знали только свою задачу. А также подготовить резервные группы, чтобы при провале какого-либо звена они могли оперативно выполнить его работу. Все это будет очень нелегко сделать.

– Да! – кивнул Халид. – Но цель стоит того! И времени в запасе у меня достаточно! Я берусь за это, Усама!

– Ну что же, другого от тебя я и не ожидал, – удовлетворенно кивнул бен Ладен. – Иначе не пригласил бы к себе. Итак, решено. Во имя Аллаха мы сорвем Олимпиаду неверных в Афинах!

– Аллах акбар!

– Аллах акбар!

– Аллах акбар! – кивнул Усама. За время разговора с гостями он каким-то невероятным образом из смертельно больного старика превратился в энергичного человека, глаза которого

искрились огнем. Усама уже не возлежал на подушках, а сидел, причем абсолютно самостоятельно, и без видимых усилий жестикулировал. – Итак, с этой минуты вы становитесь ответственными за проведение атаки на Афины. Абукири – за техническую часть, ты, Халид, за организационную. Но знать об этом будем только мы. Вчетвером, – оглянулся на своего личного врача Усама. – Теперь о деньгах. В последнее время Аль-Каида испытывает определенные финансовые трудности. Неверные добрались до многих наших счетов, а также счетов наших сторонников. И заблокировали их. Но в вашем распоряжении будут неограниченные средства. Я временно прекращаю финансирование всех остальных операций. Отныне наша цель – Афины. Я абсолютно доверяю вам двоим и не собираюсь вмешиваться в детали. Окончательная отработка плана с учетом разведки на месте остается за вами. Однако я считаю, что наряду с этим основным планом мы должны разработать план отвлекающего удара. Это позволит оттянуть силы неверных и, в случае крайней необходимости, даже пустить их по ложному следу.

Халид нахмурился:

– Но это же...

– Подожди, я еще не закончил! – с жесткой улыбкой вскинул руку Усама. – Отвлекающий удар будут готовить не твои люди. Я думаю, лучше всего для этого использовать чеченских повстанцев.

Халид нахмурился еще больше. Он был в Чечне и имел представление о методах, которые использовали в войне с неверными чеченцы.

– Чеченцы?.. – передернул плечами Халид. – Но они ведь привыкли воевать с оружием в руках и резать пленным головы! Или посылать на смерть женщин-смертниц! Извини, Усама, но, боюсь, в Греции от них будет мало толку!

– Но нам и не нужно, чтобы у них что-то получилось! – хитро усмехнулся бен Ладен. – Нам просто необходим «козел отпущения», которого, в случае необходимости, можно будет принести в жертву во имя главной цели! Ты сам решишь на месте, как с ними поступить. И, если понадобится, в критический момент просто «сдашь» чеченскую группу греческим властям, чтобы отвлечь силы безопасности от своих людей! Аллах простит нам это, если мы достигнем главной цели!

Халид наконец понял задумку Усамы. И спросил:

– А откуда я буду знать, что они задумали и как собираются действовать?

– От меня, – улыбнулся Усама. – За то, что они делают в России, плачу я. Поэтому делать они будут то, что я скажу. А я велю им захватить судно!

– Какое судно?.. – обеспокоился Абукири, до этого слушавший разговор молча.

– «Остердам», – с улыбкой сообщил Усама. – Это круизный теплоход, на котором прибудет в Грецию и на котором будет жить олимпийская команда России. Если чеченцы захватят его и выведут в море, то большой беды не будет, если они там отрежут кому-нибудь несколько голов! Главное, что все военно-морские силы НАТО в районе Греции будут оттянуты на «Остердам». А если обстоятельства сложатся так, что их обезвредят на берегу, – хитро подмигнул Халиду Усама, – значит, все береговые силы безопасности будут оттянуты на них!

– Это то, что нужно! – с энтузиазмом воскликнул Халид. – У меня будет возможность для маневра! Только я должен знать их план в подробностях!

– Будешь! – кивнул Усама. – Это я тебе обещаю. К группе чеченцев я приставлю своего инспектора, с которым ты всегда сможешь выйти на связь от моего имени!

– Отлично, Усама! Ты действительно мудрейший воин Аллаха! – склонил в почтении голову Халид.

Абукири же вздохнул и решил высказать свои опасения:

– Я боюсь, не насторожит ли неверных эта операция чеченцев. И не станет ли причиной провала нашего плана...

– Я понимаю твои опасения, Абукири. Но это самое лучшее прикрытие, которое только можно придумать. Слава Аллаху, что он надоумил Усаму придумать это! Когда я был в России, я слышал одну поговорку. Звучит она примерно так: «Трудно спрятать шило в мешке так, чтобы его не обнаружили». Но если в мешок положить еще одно шило, то, обнаружив его, никто почти наверняка не станет искать второе. Понимаешь?..

– Да, – кивнул Абукири. – Но все равно...

– Послушай, – положил руку на плечо египтянина Халид, – ты великий инженер, своим планом ты доказал это, и я перед тобой преклоняюсь. Но сейчас речь идет не о технике, а о том, как сделать так, чтобы много-много людей в разных местах выполнили твой план. Это совсем другое. Я работаю с людьми уже много лет. Я готовил взрывы в Африке, в Азии и в Америке. Я работал с тысячами людей. Почти все они уже отправились к Аллаху либо сидят в тюрьмах неверных. А я сижу здесь, с Усамой и тобой, и готовлюсь в очередной раз наказать кафизов! Понимаешь, о чем я? Так что оставь организационные вопросы мне! Твое дело – ничего не упустить в техническом плане! И тогда Аллах наверняка поможет нам! Я прав, Усама?

– Да! Ты прав, Халид! – кивнул бен Ладен. – Аллах с нами! Я тоже верю в это! Поэтому обещаю вам обоим, что, несмотря на свою болезнь, доживу до 14 августа, чтобы посмотреть по телевизору репортаж Си-эн-эн из Афин.

– Можешь быть спокоен, Усама, тебе будет на что посмотреть! – кивнул Халид. – Мы с Абукири тебе это обещаем!

– Тогда не буду вас больше задерживать! – самостоятельно поднялся на ноги бен Ладен.

Гости тут же вскочили и с почтением попрощались с ощущавшим небывалый прилив сил Усамой. Несколько секунд спустя они покинули пещеру Светлейшего.

Терпеливо дожидавшийся в коридоре гостей начальник охраны проводил Абукири и Халида к лифту. Они поднялись наверх, где их покормили. После этого начальник охраны ровным голосом сообщил:

– К сожалению, по соображениям безопасности вы не можете остаться у нас на ночлег. Согласно сводке погоды, буря через несколько часов должна утихнуть. А мы не можем допустить, чтобы спутник неверных засек движение в этом районе. Так что вам прямо сейчас придется отправиться в обратный путь.

Несмотря на внешнюю невозмутимость, в голосе начальника охраны слышались извиняющиеся нотки – даже он понимал, что выпроваживать вот так, с ходу, измученных длительным переходом гостей это настоящее свинство.

Однако гости были настолько воодушевлены аудиенцией у бен Ладена, что практически не ощущали усталости. С готовностью поднявшись на ноги, они проследовали вслед за начальником охраны к выходу.

На улице по-прежнему дул обжигающий ледяной ветер. После тепла пещеры он пробирал до костей. Но ни Халид, ни Абукири не ощущали холода. Они были слишком возбуждены. На подготовку самого чудовищного в истории теракта у них оставалось больше трех месяцев. Но счет пошел уже на секунды – слишком много нужно было успеть...

Выносливый, словно мул, проводник-пакистанец уже был готов пуститься в опасный обратный путь. Троица попрощалась с начальником охраны и гуськом двинулась к тропе. Миновав застывшего в расщелине Абая, Абукири с испугом посмотрел вниз, туда, куда он едва не упал по дороге к пещере. Черный зев пропасти выглядел ужасающе.

Абукири оглянулся и, перекивая вой ветра, выразил Халиду свою благодарность:

– Я твой должник, Халид!

– Что?..

– Говорю, ты спас меня! Значит, ты теперь мой брат! Моя жизнь – твоя жизнь!

– А-а... – кивнул Халид. – Ты тоже теперь мой брат, Абукири! Но спас тебя не я, а Аллах! Для того, чтобы мы с тобой выполнили задуманное! И наши жизни принадлежат ему!

8

*Москва, Лубянка,
июль 2004 года*

Генерал Локтионов поднял голову:

– А, это ты, Витя? Заходи. Прочитал?

– Так точно, – кивнул Виктор.

– Завизировал?

– И приложил свои соображения! Думаю, вам стоит с ними ознакомиться...

– Молодец, садись, – кивнул Локтионов.

Открыв папку, он взял три лежащих сверху листа и принялся читать. Сперва его лицо приняло удивленное выражение, потом генерал заметно нахмурился. Закончив чтение, он снял очки и посмотрел на Виктора:

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Ты хоть понимаешь, что этот документ пойдет на самый верх?

– Так точно, Олег Николаевич! Поэтому я и считаю своим долгом предупредить руководство страны, а также изложить свои соображения как практического специалиста по борьбе с терроризмом.

– Так. Так-так... – побарабанил пальцами по столу Локтионов. – Это – бомба. Боюсь, руководство ФСБ нас не поймет. Но твои соображения, Логинов, кажутся мне убедительными. Поэтому готовься их защищать. Потаскают нас прилично...

– Я всегда готов, Олег Николаевич! Главное, что вы на моей стороне...

9

*Греция, Салоники,
август 2004 года*

Порядком потрепанный жизнью теплоход «Лазурь» стоял у стенки грузового порта. Древние Салоники нависали над портом амфитеатром. Море лениво плескалось между бортом судна и причальной стенкой. Дневная жара пошла на убыль, солнце склонилось к древней крепости, расположенной на вершине горы.

На давно требовавшем покраски борту судна просматривался порт приписки – Батуми. Знающему человеку это говорило о многом. Даже в советские времена пароходы Батумского морского пароходства пользовались дурной славой. Экипажи этих судов состояли почти исключительно из лиц кавказской национальности. Только тогда в ходу был другой термин – нацмены.

Так вот, эти самые нацмены практически не разменивались на популярную среди моряков в те годы спекуляцию, то есть покупку и перепродажу дефицитных импортных шмоток. Они занимались намного более прибыльным делом – контрабандой золота и ввозом в СССР валюты. И то, и другое тянуло на «вышку». Но ни одного нацмена не расстреляли – в этом бизнесе были завязаны все: от руководства пароходства до таможенников и правоохранительных органов. Все получали свою долю, так что род своих занятий батумские мореманы даже особо не скрывали.

С развалом Советского Союза развалилось и Батумское морское пароходство. Операции с золотом и валютой потеряли смысл. Суда перешли в частные руки. Но их экипажи не остались внакладе. Они по-прежнему занимались контрабандой – только уже в больших масштабах и зачастую по заданию судовладельцев. Объект «промысла», исходя из рыночной ситуации, менялся. Но суть оставалась прежней. Моряки жили незаконными операциями, зарплата же имела для них чисто символическое значение.

Капитан «Лазури» Мочаидзе – пятидесятилетний красавец в кавказском стиле – стоял на мостике и, облокотившись о поручни, наблюдал за погрузкой судна. На «Лазурь» грузили табак в тюках. Хотя в данном случае «грузили» – было слишком сильно сказано. Работа, как это обычно бывает в греческих портах, шла ни шатко ни валко.

Мочаидзе, впрочем, этому нисколько не удивлялся. В Грецию он ходил давно и к подобному привык. Греки – своеобразный народ, гордый. В этом смысле их менталитет подобен кавказскому. Ни достижения развитого социализма в виде соцсоревнования, ни достижения развитого капитализма в виде потогонной конвейерной системы в Греции как-то не прижились.

Бригада второй смены грузчиков из восьми человек появилась у «Лазури» с получасовым опозданием. Четверо из прибывших с ходу завалились в укромном местечке отдыхать, а четверо принялись за погрузку. Двое влезли в трейлер и подавали тюки. Автопогрузчик укладывал их на специальные поддоны. Один греческий грузчик цеплял поддоны к крану, второй в трюме «Лазури» отцеплял. Четверо остальных храпели в тени так, что временами заглушали вой крановых лебедок.

И это был еще не самый худший вариант. Как-то Мочаидзе привел «Лазурь» в Салоники накануне Пасхи. Причем привел с запасом, за три дня до начала пасхальной недели. Только это все равно не помогло – портовые власти так и не дали разрешения на вход в порт. В результате экипаж судна томился на рейде и эти три дня, и всю последующую неделю, созерцая праздничную панораму ночных Салоников – погруженный практически в полную темноту город с ярко освещенными куполами церквей. В качестве музыкального сопровождения прилагался беспрерывный звон колоколов этих самых церквей. И все бы ничего, но сойти на берег и поучаст-

водить в народных гуляниях экипаж не мог – по случаю праздника абсолютно все рейдовые катера стояли на приколе...

Так что к методам работы портовых грузчиков Мочаидзе относился с философским спокойствием. Как и к греческому менталитету. Главное, что с греками всегда можно договориться – в этом смысле Мочаидзе чувствовал себя здесь как дома, на Кавказе. Только упаси тебя бог при этом даже случайно назвать грека «греком». Потому что слово это в переводе означает «раб» и пущено оно в обиход римлянами, поработившими Древнюю Грецию черт знает когда. Поэтому, чтобы не иметь в Греции проблем, грека надо называть «эллином» и платить по таксе. И тогда все у тебя будет в ажуре – как на Кавказе...

10

*Москва, Лубянка,
июль 2004 года*

– Разрешите, товарищ генерал? – проснулся в кабинет первого замдиректора ФСБ генерал Локтионов.

– Заходите! – хмуро кивнул замдиректора. – Я вас уже жду!

Вслед за Локтионовым в кабинет вошел Логинов:

– Здравия желаю, товарищ генерал!

– Здоров, писатель. Садитесь... – Пока Локтионов с Логиновым усаживались за приставным столом, замдиректора придвинул к себе папку с меморандумом и нацепил стильные очки без оправы. – Ты хоть думаешь, Логинов, что написал вот здесь? – Глядя на Виктора, замдиректора тряхнул листами с его «соображениями».

– Так точно!

– Сомневаюсь... – вздохнул генерал и начал читать: «Учитывая менталитет чеченских террористов, а также опыт борьбы с ними, следует признать, что финансовые трудности и отсутствие поддержки единоверцев не имеют для них решающего значения. Наоборот – указанные факторы должны только подтолкнуть их к проведению акций с максимальным резонансом. Исходя из этого, наметившаяся в мае – июле текущего года тенденция является крайне настораживающей. Речь идет о том, что террористы отказались от второстепенных акций, скорее всего, для того, чтобы сконцентрироваться на подготовке какого-то масштабного сверхрезонансного теракта. Учитывая предыдущий опыт, можно предположить, что их целью станет объект, имеющий „символьное“ значение. Таким символом западной цивилизации является Олимпиада в Афинах. Поэтому велика вероятность, что объектом атаки чеченских террористов станет судно „Остердам“, на котором будет размещена олимпийская сборная России...» Ты, вообще, в своем уме, Логинов? Галлюцинациями не страдаешь?

– Да нет, не страдаю.

– А вот я в этом сомневаюсь! – хлопнул по меморандуму ладонью замдиректора. – Этот документ направляется в комиссию при Президенте от имени ФСБ! Это наш официальный отчет о проведенной работе и, если хочешь, ответ на критику, которая в последнее время все чаще раздается в наш адрес. Отчет показывает, что благодаря прилагаемым усилиям наконец-то удалось добиться перелома в борьбе с терроризмом! А ты что написал?

– Я написал, что победить исламских террористов, ввиду их менталитета, традиционными методами невозможно...

– Да-да! – возмущенно кивнул замдиректора и принялся читать: «Вообще говоря, перелом в борьбе с чеченским терроризмом в нынешней ситуации невозможен. И дело вовсе не в профессионализме сотрудников спецслужб. Дело в том, что традиционными методами эффективно противодействовать террористам невозможно. Причина заключается в действующем законодательстве. Именно из-за него спецслужбы вынуждены ограничиваться „оборонительными“ методами. А это неэффективно. Как показывает опыт других стран (Италия, Франция, Израиль, США), только агрессивные „наступательные“ методы могут привести к победе. Разгром „красных бригад“ в Италии и „оасовцев“ во Франции яркое тому подтверждение. Если Россия хочет победить террористов, она должна наконец развязать руки спецслужбам...» – На этом месте замдиректора поморщился, как от зубной боли. – Ты хоть представляешь, какой резонанс могут вызвать эти твои слова? Ты хоть думаешь, что предлагаешь?

– Конечно, – кивнул Логинов. – Я предлагаю законодательно закрепить право спецслужб наносить превентивные удары по базам террористов на территории других государств, а также право на их физическую ликвидацию. Для этого в структуре УБТ необходимо создать отдел

разведки и отдел спецопераций. И тогда в новостях наши люди будут слушать не о том, как террористы взорвали в центре Москвы вагон метро, а о том, как кто-то взорвал в Турции десяток чеченцев. Или в Подмоскowie «неизвестные» «расшлепали» главу чеченской диаспоры, оказывавшей финансовую поддержку главарям незаконных военных формирований...

– Ты что, тридцать седьмой год предлагаешь возвратить? Ты хоть думаешь, что скажут об этом в Думе и в ООН?

– А при чем тут тридцать седьмой год? – пожал плечами Логинов. – Я же не предлагаю, чтобы вопрос о проведении акций за рубежом или ликвидаций внутри страны решали мы с вами. Пусть наши депутаты пропишут процедуру в законе и назначат специального федерального судью. Мы ему – факты, он нам – вердикт: казнить нельзя помиловать. Как поставит запятую, так и будет. А на то, что скажет ООН, мне, честно говоря, наплевать. Мне важно, что скажет моя соседка баба Зина, потому что зарплату мне платит она, а не ООН. А она, если я ликвидирую за кордоном террориста и этим самым спасу от взрыва в метро ее внучку, скажет мне спасибо. И это будет лучшая оценка моей работы. А в ООН пусть объясняется на этот счет наш представитель из МИДа, потому что зарплату ему платит все та же баба Зина. Вот пусть он и упражняется в красноречии...

– Красавец!... – покачал головой замдиректора. – Ты часом в ЛДПР тайком заявление не писал?

– Нет. Потому что Жириновский – шоумен и артист разговорного жанра. А я практик... Поэтому я в конце и написал, что для обеспечения безопасности нашей олимпийской сборной в Грецию следует отправить спецподразделение антитеррора...

– Очень умно! – саркастически усмехнулся замдиректора. – Во-первых, за безопасность спортсменов и официальных лиц отвечает страна-организатор. Во-вторых, нахождение иностранных вооруженных подразделений на территории суверенной страны является противозаконным, на это никто не пойдет...

– Да? – ухмыльнулся Виктор. – А как же подразделения НАТО и израильская «Шин бет»?

– НАТО это НАТО, – вздохнул замдиректора. – Сам понимаешь...

– Понимаю, – кивнул Виктор. – Но подразделение антитеррора в Грецию я все равно бы послал. Если нельзя официально, то пусть болтаются в море, на границе территориальных вод. На всякий случай...

– На какой такой случай? – напрягся замдиректора. – Ты думаешь, на что намекаешь? Это же грандиозный международный скандал с непредсказуемыми последствиями!

– Жизнь даже одного-единственного нашего олимпийца или члена официальной делегации дороже сотни международных скандалов. Лично мне так кажется. Точнее, я в этом абсолютно убежден.

– Ясно, – вздохнул замдиректора, задумчиво посмотрев на Виктора. Казалось, уверенность Логинова заметно поумерила его начальственный гнев. – А вы что скажете по этому поводу, Олег Николаевич?

– Я думаю, что точку зрения полковника нужно донести до руководства страны. Может, он не совсем корректен по форме, но по сути прав. Хватит нам оправдываться. Пора сказать правду. Если по соседству в твоём доме поселился злобный чеченец, который на Коране поклялся убить твою семью и день и ночь точит за стенкой свой кинжал, глупо бегать от двери к окну и выжидать, когда он придет. Потому что придет он ночью, когда ты будешь спать. И тогда беды не миновать. Поэтому самое разумное – самому забраться к нему через балкон и «расшлепать» его к такой-то матери из двухстволки. Только так можно спасти своих близких... В общем, я готов поставить под подписью полковника свою.

– Да, – вздохнул замдиректора, – задали вы нам, ребята, задачку. Времени на переработку меморандума уже нет. Но и не учитывать ваше мнение мы не можем. Ладно, свободны. Завтра я доложу обо всем директору. Как он решит, так и будет...

11

*Греция, Салоники,
август 2004 года*

Капитан «Лазури» Мочаидзе покосился на часы. Солнце уже почти скрылось за крепостью, с моря подул прохладный ветерок. Погрузка продолжалась, только теперь начавшие ее грузчики отдыхали, а их заменила свежая четверка.

Вообще говоря, наблюдать за погрузкой лично «мастеру» (то есть капитану, на морском сленге) абсолютно никакой необходимости не было. Для этого в штатном расписании имелся «грузовой» помощник. Именно он отвечал за правильное размещение груза и должен был осуществлять контроль за погрузкой. Что он, кстати, и делал, стоя внизу у открытого трюма.

Кроме мастера и него, на «Лазури» находилась только стояночная вахта. Все остальные двадцать с лишним членов экипажа обтяпывали в городе свои личные темные делишки либо, покончив с этим, оттягивались в борделях со шлюхами.

Капитан Мочаидзе сам любил это дело и был знаком чуть ли не с каждой проституткой порта. Но в этот раз сходить на берег он не торопился. И тому была своя причина. Члены экипажа догадывались о ней, но это их нисколько не волновало. Как говорят на Западе – у каждого свой бизнес. На Востоке ту же мысль формулируют несколько по-другому: каждый баран сам носит свои яйца. Но суть от этого не меняется.

Члены экипажа догадывались, что в Грецию на «Лазури» прибыла партия незаконных мигрантов. Лично их никто не видел, поскольку погрузились они на борт в Батуми ночью, но утаить такое на небольшом судне практически невозможно. Однако об этом члены экипажа между собой даже не разговаривали. Богу богово, а цезарю – цезарево. На то Мочаидзе и капитан, чтобы вести свои дела с размахом.

А переброска из Батуми в Грецию партии нелегалов дорогого стоит. По десять тысяч с каждого – с десяти человек сто тысяч «бакинских» набегают. А ведь можно и двадцать тысяч запросить, тогда вообще двести тысяч «на карман» мастеру обломится. Не бизнес – сказка. Особенно учитывая то, что в открытом море этих самых нелегалов, во избежание неприятностей, можно попросту «расшлепать» и сбросить за борт – такое тоже практиковалось. Но даже в этом случае члены экипажа «Лазури» прикинулись бы глухими и слепыми...

Так что нахождение Мочаидзе на мостике ничуть не беспокоило ни грузового помощника, ни вахтенную команду. Они отлично знали, что нужно видеть, а чего не замечать в упор. Давно развалилось Батумское морское пароходство, но его традиции остались незабываемыми...

Наконец последний поддон исчез в трюме. Старший бригады грузчиков коротко переговорил с грузовым помощником и сошел по трапу на берег. Не очень перетрудившаяся восьмерка портовых пролетариев отправилась восвояси.

Водитель трейлера, ноги которого торчали все это время в окне кабины, выбрался на подножку, зевнул и с файлом под мышкой двинулся к трапу. Ему тоже нужно было подписать документы, но уже у мастера.

Мочаидзе встретил грека у трапа.

– Привет, Ангел! – сказал он по-английски, пожимая руку водителя. – Все в порядке?

– Привет, Гога! – тоже на ломаном английском ответил Ангелос. – Да, все в порядке.

– Так что, можно?.. – воровато оглянулся по сторонам Мочаидзе.

– Да, – кивнул грек. – Двери трейлера открыты. Пусть они только прикроются там мешковиной.

– Понял, – кивнул Мочаидзе и гостеприимно открыл дверь надстройки: – Проходи!

Ангелос со знанием дела переступил через комингс. Сухопутные люди через эти самые комингсы перецепляются напропалую, бывает, и увечья получают, но грек на «Лазури» бывал не впервые. С Мочаидзе он работал давно, поэтому они и понимали друг друга с полуслова.

Грек шагнул в надстройку, сам же мастер на несколько секунд задержался на разом опустевшей палубе судна. Находящиеся на борту члены экипажа «Лазури» тоже были не новичками, поэтому предусмотрительно попрятались. Как говорится, меньше видишь – лучше спишь...

И только вахтенный матрос дисциплинированно торчал чуть поодаль от трапа, облокотившись о леерное ограждение. И вовсе не от служебного рвения. Просто именно он был главным действующим лицом в операции по переброске нелегалов: именно на его вахте мигранты погрузились ночью в Батуми, именно он разместил их на судне и кормил во время перехода. Ему же и предстояло заняться «выгрузкой».

Подозвав вахтенного знаком, Мочаидзе негромко сказал:

– Выводи их, в темпе! Пусть быстро грузятся в трейлер и накроются там брезентом. То есть мешковиной. В общем, что будет...

Вахтенный кивнул и скрылся за углом. Мочаидзе проводил его ухмылкой: в случае чего, именно вахтенный матрос должен был стать «козлом отпущения». Мочаидзе и Ангел были прожженными контрабандистами. И организовали все так, что им за все время даже ни разу не нужно было видеть нелегалов.

Не став больше задерживаться, Мочаидзе скрылся в надстройке и нагнал грека на трапе. Проводив его в свою каюту, мастер расписался в документах и поставил на них оттиски судовой печати. После чего приблизился к иллюминатору и посмотрел на причальную стенку.

12

*Москва, Лубянка,
август 2004 года*

– Логинов, зайди! – коротко приказал по телефону начальник УБТ Локтионов. – Нас вызывает директор.

– Какие-то документы брать?

– Не нужно. Директор только что вернулся из Кремля. С заседания комиссии по борьбе с террором.

– Ясно, – коротко ответил Виктор. – Иду...

Несколько минут спустя Локтионов с Логиновым были уже в кабинете директора ФСБ. Тот разговаривал со своим первым замом.

– Заходите, садитесь, – повернулся к двери директор. – Мы тут как раз обсуждаем результаты заседания.

– Что, попало нам на орехи? – спросил Локтионов.

– Не совсем, – задумчиво проговорил директор. – Но шороха ваше особое мнение надедало... Комиссия решила не принимать скоропалительных решений. Для проработки вопроса о законодательных инициативах создана рабочая группа. От нас в ее состав включен первый замдиректора. Но это все перспектива – раньше чем осенью члены комиссии не соберутся. В Думе каникулы, да и вообще – сезон отпусков. Но вот вопрос о безопасности наших олимпийцев откладывать некуда – Олимпиада на носу. Поэтому протокольным поручением нам предписано заняться этим немедленно. Завтра я должен предоставить перечень мероприятий в Кремль – на утверждение. Тебе, Логинов, можно сказать, повезло...

– Да? – почесал себя за ухом Виктор и осторожно уточнил: – А в чем, разрешите узнать?

– Ты отправляешься в Афины в качестве консультанта по безопасности. Без дипломатического статуса, но с самыми широкими полномочиями. Твоя задача – обеспечить безопасность наших олимпийцев. До прихода в Пирей «Остердама» у тебя будет почти неделя на ознакомление с ситуацией...

– Здорово. И как я сам смогу обеспечить безопасность огромной делегации? – вздохнул Виктор и посмотрел на Локтионова, словно бы ожидая поддержки.

От внимания директора это не ускользнуло, и он сказал:

– А что ты хотел, Логинов? Инициатива в нашем деле наказуема, это давно известно. Твои соображения не на шутку встревожили членов совета...

– И они поспешили перевести стрелки на ФСБ, так? – вздохнул Виктор.

– По форме, может, и так, но по сути – не совсем. Наши предложения будут завтра рассмотрены и утверждены. Отсюда вопрос: что необходимо сделать, чтобы предотвратить возможный теракт?

– Для этого необходимо было физически устранить лидеров ГКО еще пару лет назад!

– Не устранили... – развел руками директор. – То есть устранили, но далеко не всех. Что дальше?

– На «Остердам» нужно посадить «Альфу». Весь отряд с полным вооружением. Плюс десятку «Сатурна».

– Нереально. Опустись на землю, Логинов. Вопрос серьезный. И времени на фантазии нет.

– Тогда так, – вздохнул Виктор. – Пусть в море за «Остердамом» шлепает наш эсминец, а потом останется торчать на границе территориальных вод. На него нужно посадить отделение «Альфы». И хорошо бы еще придать ему подлодку какую-нибудь с боевыми пловцами, на всякий случай. Это реально?

- Завтра узнаем, – сказал директор, делая пометки в блокноте. – Что еще?
- На «Остердаме» должно быть человек пять наших людей – из УБТ...
- Боюсь, поздно, – покачал головой первый замдиректора. – Состав делегации утвержден на государственном уровне. Там и так двадцать спецов из Главного управления охраны...
- Да, – кивнул директор. – Мы подавали списки еще весной. Но попробуем... Это все?
- Пока да, – кивнул Виктор.
- Смотри. Потом предлагать что-либо будет уже поздно. А отвечать, в случае чего, придется именно нам...
- Но я же не знаю обстановки в Афинах!
- А кто ее знает? Тогда, значит, все. Готовься, Логинов. Служебный паспорт тебе оформят без проволочек. Билет закажем. Полетишь первым классом, как крутой воровской авторитет...
- Спасибо...
- Не за что. Назвался груздем, полезай в кузовок... Однако шутки в сторону. Мы на тебя, Логинов, надеемся! Спohватились, конечно, как всегда, в самый последний момент. Раньше этим нужно было заниматься – хотя бы за месяц... Но теперь говорить об этом поздно. Теперь, Логинов, вся надежда на тебя. На твою интуицию и профессиональное чутье. Так что не подведи нас... Приказ ясен?
- Так точно! Сделаю все возможное, товарищ генерал! – поднялся на ноги Виктор.

13

*Греция, Салоники,
август 2004 года*

Вахтенный матрос «Лазури» нырнул за угол надстройки и прошел к двери. С отменной ловкостью он скатился вниз по трапу, миновал узкий коридорчик на нижней палубе и условным стуком постучался в нежилую каюту. Замок приглушенно щелкнул, дверь приоткрылась. В щель на вахтенного уставились немигающие глаза.

– Давайте за мной, – вполголоса скомандовал матрос. – На причале стоит трейлер. Дверь открыта. Забираетесь в него и прикрываетесь брезентом. Все, пошли...

Вахтенный развернулся и направился к трапу. Нелегалы молча двинулись за ним. Общался матрос только со старшим группы. Причем за все время знакомства с вахтенным тот произнес всего несколько слов – по-русски и практически без акцента. Учитывая, что обычно нелегалы по-русски не понимали ни бум-бум, это было довольно странно. Как и то, что на традиционных мигрантов – афганцев, пакистанцев и прочих – эти совсем не походили. Но вахтенного это совершенно не волновало.

Выбравшись на палубу, он осмотрелся. Солнце уже скрылось за горой, на древние Салоники легли сумерки. Порт словно вымер. Жизнь переместилась в многочисленные питейные заведения, расположенные неподалеку в припортовом квартале и ближе к центру города. Момент для выгрузки был самый удачный.

Вахтенный повернулся и негромко сказал:

– Давайте...

Мигранты тут же вынырнули из надстройки и гуськом направилась к трапу. Впереди шел старший, сзади – нога в ногу – двигались остальные. Причем двигались так, что палуба под их ногами практически не гудела. Это тоже было довольно странно, но вахтенного занимало другое.

Он вертел головой по сторонам, чтобы при появлении посторонних успеть вовремя подать знак опасности. Однако этого не потребовалось. Группа мигрантов словно специально тренировалась скрытно грузиться в трейлеры. Буквально за несколько секунд все было закончено. Дверь трейлера прикрыли изнутри...

Вахтенный облегченно вздохнул и прикурил сигарету. Мочаидзе, наблюдавший за происходящим сверху, из своей каюты, наконец отвернулся от иллюминатора.

– Все, Ангел, – сказал он. – Порядок.

Пройдя в угол каюты, мастер открыл сейф и извлек из него загодя приготовленную пачку денег. Подал ее греку, он сказал:

– Это твоя доля. Как всегда...

Грек покачал головой:

– На этот раз я возьму пятнадцать, Гога.

– Не понял?

– Охрану порта усилили полицейскими. Из-за Олимпиады. Так что риск выше...

– Но мы же так не договаривались!

– Когда мы договаривались, полицейских на воротах еще не было, – покачал головой Ангелос. – Если тебя это не устраивает, пусть выгружаются. Найдешь кого-нибудь другого...

Мочаидзе готов был придушить грека, но вместо этого улыбнулся:

– Хорошо, Ангел. Но в другой раз предупреждай меня заранее.

– Я всегда так и делаю. Но тут не моя вина. Форсмажор... – развел руками грек.

Скрепя сердце Мочаидзе отсчитал еще пять тысяч долларов и передал их алчному Ангелосу. Тот ловко проверил наличность и поднялся:

– И не обижайся, Гога. Я же не требую у тебя евро, хотя эти фантики, – грек тряхнул долларами, – постоянно падают в цене...

– Я не обижаюсь, Ангел, – протянул руку Мочаидзе. – Мы же деловые люди.

– Вот и отлично! – улыбнулся грек. – Мой телефон прежний. Если что, звони. Всегда рад иметь с тобой дело...

14

*Греция, Пирей,
август 2004 года*

Стоя у парапета, Виктор Логинов наблюдал за приближающимся к берегу рейдовым катером. Далеко в море виднелась громада судна «Остердам», зафрахтованного Олимпийским комитетом России на время игр. Из-за отсутствия достаточного количества гостиниц в Афинах именно на круизных судах должны были проживать многие олимпийские сборные и официальные делегации. План размещения этих судов в акватории Пирея был тайной за семью печатями. В результате Виктору почти за неделю пребывания в греческой столице так и не удалось узнать, какое именно место в акватории Пирейского порта будет выделено организаторами «Остердаму».

Это здорово нервировало Логинова, но поделать тут ничего было нельзя. Согласно сложившейся практике, за безопасность членов делегаций всю полноту ответственности несли именно организаторы очередной Олимпиады.

«Остердам» пришел на дальний рейд Пирея ранним утром. Формальности с осмотром судна и открытием границы заняли больше чем полдня. Солнце уже начало клониться к горизонту, но прохладнее от этого не стало. Ощущая, как под легкой рубашкой потеет спина, Логинов искренне сочувствовал атлетам. В такую жару не то что соревноваться и ставить рекорды, а даже просто передвигаться по греческой столице – настоящий подвиг.

Чуть поодаль стояли две посольские машины – «Мерседес» посла с триколором и «Ауди А8» для руководства олимпийской делегации. До постановки «Остердама» к «стенке» попасть с судна на берег можно было только на рейдовом катере.

Наконец он приблизился к причалу и резко сбросил ход. Дверцы «мерса» беззвучно распахнулись. К парапету шагнули посол и первый секретарь. В отличие от Логинова, они предпочитали дожидаться прихода катера в кондиционированной прохладе автомобильного салона.

– Наконец-то! – сказал первый секретарь, посмотрев на часы.

Посол подошел к Логинову:

– Вы с нами едете на обед, Виктор Павлович?

– Да нет, Андрей Ильич, – покачал головой Логинов. – Не до обедов. Я хочу со своим человеком предметно поговорить. За время перехода он должен был изучить слабые места, которыми могут воспользоваться террористы...

– Тьфу-тьфу-тьфу!.. – украдкой сплюнул через плечо посол.

Ему было уже далеко за пятьдесят, но они с Логиновым быстро нашли общий язык. Несмотря на свою профессию дипломата, предполагавшую неискренность и подозрительность, посол России в Греции оказался отличным мужиком. К прикомандированному к посольству Виктору он не относился как к досадному соглядатаю, навязанному руководством, поэтому они и ладили. Причем посол честно признался Виктору, что считает его миссию несколько искусственной – меры безопасности, предпринятые организаторами Олимпиады, были воистину беспрецедентными. Об этом посол как человек, не первый год живущий в Афинах, судить имел право. Вот и сейчас, оглянувшись по сторонам, можно было заметить несколько вооруженных греческих полицейских. Они охраняли причал рейдовых катеров, так что попасть на него постороннему было практически невозможно.

Наконец катер окончательно сбросил ход и подвалил к причальной стенке. Пока принимали концы, Логинов разглядел на корме катера голову Степана Горова – подчиненного Виктора, с которым он плечо к плечу трудился не первый год. Горов был единственным сотрудником УБТ, которого в последний момент задним числом удалось «втиснуть» в состав олимпийской делегации.

Заметив Логинова, Степан расплылся в улыбке и приподнял сжатую в кулак руку на уровень плеча:

– Рот фронт, шеф!

– Салют! – кивнул Логинов.

Руководители олимпийской делегации вели себя сдержаннее. Только взойдя по трапу на причал, они чинно и церемонно поздоровались с послом и первым секретарем. Логинов тоже пожал пару чьих-то рук, но все его внимание было приковано к Степану.

Как только Горов оказался на причале, Виктор выдернул его из толпы и увлек в сторону. Посол заметил этот маневр и оглянулся:

– Виктор Павлович, вечером на приеме в честь прибытия делегации вы, надеюсь, будете?

– Да, Андрей Ильич! Обязательно... – кивнул Логинов.

– А это что, посол? – спросил Горов.

– Он самый, Степан, – кивнул Виктор. – А это порт Пирей, а вон там – Афины. Про них ты должен был учить в школе, классе в пятом. Не забыл еще?

– Да почти забыл, – честно признался Степан. – Но на «Остердаме» в холле главной палубы выставку устроили – фотки там всякие, факты из истории олимпийского движения и все такое. Так что Акрополь от Олимпийского стадиона я отличу...

– Для начала и это неплохо, – кивнул Виктор.

У выхода из порта у них проверили документы. После чего Логинов быстрым шагом направился в одну из близлежащих улочек.

– Ну и жара здесь, – пробормотал едва поспевавший за ним Горов.

– Это точно. Передвигаться в Афинах можно или на машине с кондиционером, или мелкими перебежками от кафе к кафе, – согласился Виктор. – Поэтому я тебя и веду туда.

– Так, а это, шеф, – перешел на доверительный шепот Степан. – Не дорого в кафе? Мне на пароходе наши ребята из Главного управления охраны, которые здесь бывали, рассказали, что в Греции по кафе ходить – только валюту зря тратить. От ихней «Метаксы» нормального русского человека пробивает на понос. А наша водка – дорогушая ужас. Так что лучше в аптеку, шеф...

– Зачем, за касторкой, что ли? – хмыкнул Логинов.

– Да нет, за спиртом, – все тем же доверительным шепотом пояснил Степан. – Спирт у них без рецепта отпускается. Купил пузырек, колой развел и пей на здоровье коктейль!

– Хорошему тебя на «Остердаме» «гуошники» научили...

– А че тут такого? Валюты платят мало, чего ее зря выбрасывать? Вот у вас какой оклад при посольстве?

– Три тысячи евро.

– Ни фига себе! – присвистнул Степан. – Seriously, что ли?

– Да, Степан. Я же как-никак советником у них числюсь...

– Конечно, – с завистью вздохнул Горов. – С такими бабками можно не только по кафешкам «Метаксу» пить, но и в казино «Чинзано» с «Мартини» глушить...

– Успокойся, Степа! – чуть притормозил Логинов и потрепал Горова по плечу. – «Чинзано» с «Мартини» тебе не угрожает. Забыл, зачем мы здесь? Так что настраивайся на колу...

Пропустив Горова вперед, Виктор нырнул вслед за ним в пустынное в этот час припортовое кафе. Не успели они присесть за столик, покрытый белоснежной скатертью, как к ним подлетел официант.

– Тебе какой чай, Степан? – спросил Логинов.

– Любой... – вздохнул Горов, косясь на барную стойку, за которой яркими манящими этикетками сияла гора разнокалиберных бутылок.

– Понятно! – ухмыльнулся Логинов. Повернувшись к официанту, он показал два пальца: —Ту бира «Амстел»! Андестенд?

Официант кивнул. Несколько секунд спустя он снова возник у стола с подносом. Вид двух высоких стаканов и двух запотевших бутылок несколько улучшил настроение Горова.

Облизнувшись, он быстро сграбастал свой «Амстел» и начал наливать пиво в стакан. Только вот не учел качества напитка. Пиво мгновенно вспенилось. Белоснежная шапка перекатилась через край стакана и залила скатерть.

– Вот блин! – смущенно пробормотал Горов, украдкой оглядываясь.

Однако официант, заметивший его оплошность, просто вернулся и быстро ликвидировал салфеткой последствия «наводнения». После чего так же быстро удалился. Ожидавший скандала Степан немало удивился и пробормотал, глядя ему вслед:

– Во дает! Хоть бы рожу скривил для порядка, а то даже как-то неудобно...

– Тут, Степа, цивилизация, – пожал плечами Логинов. Наполнив свой бокал, он поднял его: —Ну, давай, капитан! За благополучное прибытие!

– Давайте... – кисло кивнул Горов.

– И не кривись! «Чинзано» будем пить на закрытии, если все нормально пройдет.

– Да я ничего и не говорю... – чокнувшись, Степан в три жадных глотка осушил стакан и крикнул: – А пивко-то ничего! Получше нашей «Балтики» будет!

– На любителя, – пожал плечами Виктор, едва притронувшись губами к стакану. – Все, Степа! С церемониями закончили... Теперь к делу. Давай докладывай, что ты за время плавания успел насмотреть. Что-нибудь подозрительное было? Какие-нибудь непонятки, например?..

15

*Греция, Салоники,
август 2004 года*

Ангелос Хапсалис был не только водителем трейлера, но и его владельцем. Именно это позволяло ему столь удачно обтяпывать свои делишки. Получив сигнал, к примеру, от того же Мочаидзе, Ангелос вступал в контакт с греческим грузоотправителем и согласовывал порядок перевозки груза с портовыми властями.

Схема была отработана до мелочей. Ведь несколько лет до этого Ангелос выступал в качестве шипчандлера. То есть получал по рации предварительную заявку от капитанов идущих в Салоники судов и выполнял ее. К моменту швартовки судна Ангелос уже подвозил на причал необходимый провиант, запчасти, а также обеспечивал пополнение запасов воды.

Как раз в то время Ангелос и оброс многочисленными связями в среде контрабандистов-капитанов. После чего и вовсе оставил хлопотный бизнес шипчандлера, переключившись на ответственную доставку грузов в порт. Официально он теперь зарабатывал меньше, но доходы от преступного бизнеса были весьма ощутимыми.

Покинув борт «Лазури», Ангелос прошел к фуре и закрыл ее. Несколько секунд спустя грек взобрался на подножку своего тягача «Вольво» и оказался в кабине. Коротко посигналив на прощанье, трейлер направился к выезду из порта.

В отличие от портов СНГ, охрана греческих портов носит, скорее, символический характер. На воротах порта Салоники обычно дежурили два охранника. Один дрых в дежурке, второй сидел, развалившись в пластиковом кресле, у ворот. Однако в связи с приближением Олимпиады в стране был введен «розовый» уровень готовности правоохранительных органов. Применительно к порту Салоники это выразилось в усилении двух охранников двумя местными полицейскими.

Трейлер подкатил к воротам и, вздыбив клубы пыли, затормозил. Из дежурки доносились возбужденные голоса. Там старший из полицейских и один из охранников играли в карты. Сидевший на воротах в пластиковом кресле охранник даже не потрудился встать.

– Ф-фух! – лениво отмахнулся он от пыльного облака. – Разгрузился, Ангел?

– Разгрузился, – высунулся в окно тягача Ангелос.

– Что-то ты долго сегодня... – зевнул охранник и, сидя на месте, передвинул рычаг, опускавший трос на выезде.

Ангелос уже собрался было тронуть трейлер и вывести его за ворота, но в это время подал голос второй полицейский. Он был слишком молод и неопытен, чем доставлял массу неудобств своим старшим коллегам.

– Так, а это... – проговорил полицейский. – А проверять трейлер?

Сердце у Ангелоса екнуло, но он заставил себя растянуть губы в ухмылке и подмигнул охраннику – мол, во дает, чудила, и где такие только берутся?.. Охранник тоже улыбнулся и сказал:

– Ангел возил сегодня табак. Если хочешь чихать весь вечер, иди проверь!

После этого Ангелос с охранником дружно засмеялись. Посрамленный молодой полицейский засмущался и махнул рукой, отвернувшись. Ангелос тронул трейлер с места и крикнул:

– Пока, Ефстратос! Счастливо отдежурить! Как-нибудь, когда раскопаюсь с делами, приглашу тебя выпить «Метаксы»!

– Пока, Ангел! Ловлю на слове!

Трейлер выбрался из порта и вдоль набережной направился к выезду из города. Ангел покосился в боковое зеркало и облегченно вздохнул – этот сопляк-полицейский заставил его поволноваться...

16

*Греция, Пирей,
август 2004 года*

Степан Горов вылил в стакан остатки пива и посмотрел на Логинова.

– Да эксцесс был только один. Но мы его с «гуошниками» быстро погасили...

– Так, – напрягся Логинов. – А ну-ка поподробнее!

– Да там подробностей особых не было, – задумчиво потер костяшки пальцев правой руки Горов. – Короче, дело было так. Дня три назад спускаюсь я от бассейна, слышу, в коридоре шум. Возня какая-то, голоса возбужденные...

– Ну-ну?.. – подался вперед Логинов.

– Ну и я туда. А там как раз каюты наших гимнасток. Гляжу – у одной дверь нараспашку и там Серега стоит...

– Что за Серега?

– Капитан из ГУО, наш парень... Я спрашиваю его, мол, что за беда? А тут этот фуцин свою пасть как открывает...

– Стоп, Степан! – поморщился Логинов. – Давай без этих всяких жаргонов, по существу.

– Так я и рассказываю по существу, – пожал плечами Горов и хлебнул пивка. – Короче, одна из наших гимнасток, Танька, накануне связку повредила. Все девчонки на тренировку ушли, а она осталась с ногой отлеживаться. Тут к ней в каюту и завалил этот фуцин... То есть не фуцин, а Марчевский...

– Кто такой?

– Да сынок одного денежного мешка! Папаша его круто спонсировал наш олимпийский комитет, за это его сына и включили в состав официальной делегации. Мурло еще то! Еще до обеда набрался в дым, приперся в каюту к Таньке этой и давай приставать. Бабки обещать и все такое. На шум Серега прибежал. Танька ему говорит: так и так. Серега этому Марчевскому: мол, освободите каюту и двигайте к себе! А этот фуцин давай пальцы гнуть: типа, вы все у меня на содержании, за мои бабки тут прохлаждаетесь! Один звонок по спутниковому – и вас здесь не будет! А тут как раз и я заглянул... – мечтательно улыбнулся Горов, снова поглаживая костяшки пальцев.

Логинов хмуро посмотрел на руку Степана и покачал головой:

– Ну и?

– Ну и я ему прямым правым в рожу! Не во всю силу, конечно, но от души...

– Хорошим хвалишься!

– Так а что, смотреть на него надо было?

– Ну и чем кончилось?

– Два зуба я этому Марчевскому сломал. Судовой дантист три дня их потом наращивал. Скандал, конечно, легкий получился. Но Танька эта все руководству делегации рассказала, да и все гимнастки за нас горой. Короче, руководство отзвонилось папаше этого типа. Не знаю, что тот ему говорил, но этот Марчевский приходил извиняться – и ко мне, и к Татьяне... Короче, этим дело и закончилось.

– Понятно, – хлебнул пива Виктор. – Это все хорошо, но к нашему делу наверняка отношения не имеет. А какие еще инциденты были?

– Да больше никаких... – пожал плечами Горов. – После истории с Марчевским к нашим девчонкам никто на десять метров не подходит.

– Ну, это понятно, – задумчиво кивнул Виктор. – Зубы нынче дорогие...

17

*Греция, дорога Салоники – Лаханокипос,
август 2004 года*

Трейлер Ангелоса Хапсалиса выбрался из Салоников и направился в Лаханокипос. Именно в этом городке пару лет назад Ангелос по дешевке купил разорившуюся автомастерскую. Теперь это был его гараж, где он держал свой автопарк. Кроме трейлера грек имел микроавтобус, легкий грузовик и пикап. Следил за всем этим добром наемный автомеханик, который в случае необходимости исполнял также обязанности второго водителя.

На дороге упали сумерки. Встречные машины уже включили габаритные огни. То же самое сделал и Ангелос. Его расцвеченный многочисленными лампочками трейлер приближался к развилке. Вправо уходила дорога к озеру Като-Ставрос.

И вот на этой-то развилке и стояла полицейская машина. Ангелос сбросил скорость и включил «поворотники». В этот момент от полицейской машины отделилась фигура в форме. Полицейский знаком приказал Ангелосу остановиться. Тот чертыхнулся и начал тормозить.

Трейлер прижался к обочине. Остановившись, Ангелос высунулся в окно. Полицейский был знакомым. Но рядом с ним стояли два типа в форме национальной гвардии с короткоствольными автоматами...

– Привет, Анастасиос! – как можно спокойнее проговорил Ангелос. – В чем дело? Я что-то нарушил?

– Привет, Ангел! – кивнул полицейский, подходя к кабине тягача. – Обычная проверка, из-за Олимпиады.

– Так что, показать свои документы? – насмешливо спросил Ангелос, заметно успокоившись.

– Да ну, – махнул рукой полицейский и, повернувшись к типам из национальной гвардии, объяснил: – Это Ангелос Хапсалис. Местный. Доставляет грузы в порт... Что-то ты поздно сегодня разгрузился, Ангелос. Или проблемы с машиной? – на всякий случай спросил полицейский.

Было ясно, что трейлер он проверять не собирается, как и документы Ангелоса. Тот его заверил:

– Да нет. С машиной все в порядке. Табак просто возил, а тюки разгружать долго...

– Понятно, – кивнул полицейский. – Ну, счастливой дороги...

И в этот самый момент в фуре раздался приглушенный, но вполне различимый чих. Отвернувшийся было национальный гвардеец быстро повернул голову. Полицейский осекся на полуслове и удивленно спросил:

– Кто это у тебя там, Ангелос?

– Где?.. – прикинулся дураком Ангел.

– В фуре!

– Не знаю, никого не должно быть...

– Так, – оттер полицейского национальный гвардеец. – Вы по дороге где-нибудь останавливались?

– Нет...

– А фуру проверяли в порту?

– Нет... Чего ее проверять? Грузчики выгрузили тюки, грузополучатель документы подписал, я двери закрыл и поехал...

– Ясно! – оглянулся на напарника национальный гвардеец. – Давай фонарь! А вы открывайте фуру! Посмотрим, кто там спрятался...

Ангелос послушно выбрался из кабины. В душе он чертыхался и ругался, но внешне оставался спокоен. Ему, конечно, предстояли неприятные объяснения с миграционной службой, но он собирался твердо стоять на своем – ничего не видел, ничего не знаю. А что какие-то нелегалы забрались в порту в фуру, так это вопрос к пограничникам...

Хорошего, конечно, было мало. На какое-то время о контрабанде предстояло забыть и, возможно, даже вернуться к прежнему бизнесу шипчандлера. Но денег Ангелос заработал прилично. Год-два можно было и пересидеть...

Поэтому он спокойно направился к фуре и открыл запоры:

– Пожалуйста!

Ангелос отступил в сторону, как бы умывая руки. Национальные гвардейцы шагнули к дверям. Один распахнул их, второй посветил фонарем внутрь. Любопытный полицейский тоже подался к двери.

Все трое догадывались, что речь идет о незаконных мигрантах – не владеющих языком и забитых. Поэтому никто не ожидал того, что произошло в следующую секунду...

18

*Греция, Пирей,
август 2004 года*

Выслушав рассказ Горова о стычке в каюте гимнасток, Логинов перевел разговор в более предметное русло. «Отстердам» был огромным океанским лайнером. Только экипаж судна состоял из восьмисот человек. Если же прибавить к этому пассажиров, то в сумме получалось население небольшого городка. Собственно, лайнер и был таким городком – со всеми необходимыми атрибутами: магазинами, аптеками, клубами, бассейнами, библиотекой, кафе, барами, парикмахерскими... Вплоть до того, что на борту была даже небольшая церковь.

Именно поэтому захват террористами судна без предварительной разведки был немислим. А раз так, то они по-любому должны были каким-то образом себя проявить. В распоряжении Логинова имелась судовая роль. Проанализировав ее, Виктор вычленил несколько потенциальных кандидатов в пособники террористов. Это были этнические арабы либо выходцы из восточных стран, поступившие на судно перед последним плаванием. Как раз их проверкой и должен был заняться Степан.

Получив список, Горов даже присвистнул:

– Ни фига себе, шеф! Их тут целых шесть человек, а я один! Это же нереально...

– Извини, Степа, но больше своих людей на «Остердаме» у меня нет, – развел руками Логинов. – Так что придется тебе привлекать к этому делу «гуошников». Не все ж им по аптекам спирт скупать...

– Да нет, мужики они нормальные, вы не подумайте, – вступился за коллег Горов. – Но оно им надо?

– Я уже говорил на этот счет с Москвой. Руководителю группы ГУО на «Остердаме» вот-вот сбросят инструкции – оказать тебе посильную помощь. Это раз. А два – я не думаю, чтобы все фигуранты списка отправлялись на берег одновременно. Время вахты у них по-любому разное. Так что «вести» одновременно придется не больше двух человек. Я понимаю, что это трудно, но ничего другого нам не остается... Экипаж иностранный, «пробить» фигурантов как обычно мы не можем. А это сейчас наша единственная надежда выйти на террористов. Если на «Остердаме» есть их пособник, он ни за что не станет передавать информацию по телефону, факсу или электронной почте. Только при личной встрече...

– Ну, это понятно, – задумчиво почесал костяшки пальцев Горов. – Только вот ни у него, ни у посланца террористов не будет висеть на рубашках бейджиков с надписями «Пособник террористов» и «Террорист». Тем более не факт, что кто-то из этих шестерых вообще связан с Аль-Каидой...

– Я понимаю, Степа, что ты хочешь сказать – трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Действительно, не факт, что пособником террористов является кто-то из фигурантов этого списка. Но тогда террористы должны будут получить информацию другим путем...

– Каким?

– Похитить кого-то из членов экипажа и устроить ему допрос с пристрастием. Потому что захват такого объекта без информации из первых рук подготовить нереально.

– Это понятно, – кивнул Горов.

– А раз понятно, тогда тебе придется организовать еще и контроль за возвращением с берега членов экипажа «Остердама»... Ясно?

– Ясно, – вздохнул Горов. – А я-то думал хоть одним глазом на Акрополь глянуть...

– Я же тебя сразу предупредил, – развел руками Логинов, – что ни «Чинзано» с «Мартини», ни шопинг тебе не угрожают. На Акрополь за тебя Марчевский поглазеет... Все понятно или есть вопросы?

Горов кое-что уточнил и наконец кивнул:

– Все ясно, шеф! Разрешите приступить к исполнению?

– Разрешаю, – улыбнулся Логинов. – Только своим кислым видом ты меня, Степан, не разжалобишь. Знал, куда шел на работу...

– Да я ничего и не говорю.

Логинов подозвал официанта, расплатился и немного провел Степана к порту. Не доходя до ворот, они попрощались.

– А вы в посольство, шеф? К приему в честь прибытия олимпийской делегации готовиться? – не без зависти осведомился на прощанье Горов.

– Да нет, – покачал головой Виктор. – У меня еще здесь дела...

19

*Греция, дорога Салоники – Лаханокипос,
август 2004 года*

Вахид Шимаев – тридцатитрехлетний чеченец – родился в Урус-Мартане. К весне девятнадцатого первого года он успел отслужить срочную службу в «десантуре» и вернулся на родину. Только вот оказалось, что перспектив здесь у молодого здорового парня никаких. Найти личную работу, не будучи членом влиятельного тейпа, нечего было и думать. Вахид уже совсем было собрался ехать на заработки в Москву, как в Чечне грянула революция.

Точнее, старое «коммунистическое» руководство республики решило «хапнуть» побольше суверенитета, только вот этим самым суверенитетом и подавилось. Созванный по инициативе руководителя республики Завгаева конгресс чеченского народа перехватил инициативу. Никому не известный отставной полковник Дудаев, приехавший на конгресс рядовым делегатом из Прибалтики, в одночасье стал чеченским Наполеоном.

Урус-Мартан – гнездо исламистов-радикалов – загудело, как потревоженный улей. Именно отсюда отправились в Грозный первые «ополченцы». Среди них был и Вахид. Его увлек вихрь событий. В путаной идеологии Дудаева он не разбирался. Как, впрочем, и в ваххабизме. Но все встали за независимость, встал и Шимаев.

В Грозном он отличился при разгоне парламента и при штурме здания КГБ. И судьба его была предрешена. Он стал «псом войны». Вожденная независимость обернулась для Чечни нескончаемой чередой войн – больших с федералами и малых внутричеченских. Хорошие бойцы были нужны всем, поэтому им хорошо платили. А Вахид, кроме как воевать, больше ничего и не умел. Поэтому воцарившийся в республике беспредел стал для него манной небесной.

Где он только не воевал. И в Буденновске успел отметиться, и в Дагестане. И как-то само собой так получилось, что с начала и до конца Вахид неизменно входил в отряды Шамиля Басаева. Признавать лидерство другого – это не совсем в чеченском менталитете. Но что-то такое, какая-то харизма в Шамиле присутствовала. Вахид это почувствовал и не прогадал. Кроме харизмы, Басаев обладал просто-таки дьявольской способностью высказывать из самых безвыходных ситуаций. Что и доказывал неоднократно на практике. С годами Вахид окончательно попал под влияние своего командира. И уверовал в его непогрешимость.

Именно Вахид вынес Шамиля с оторванной ступней при прорыве из Грозного. И именно он был одним из командиров «спецназа» ГКО. Несмотря на происходящие в республике изменения – усиление клана Кадырбекова и спад активности боевиков, – ГКО оставалась весьма влиятельной структурой. Ведь именно через ГКО шли деньги из исламских фондов для боевиков. Так что на жизнь Вахид не жаловался. По сути, он давно превратился в цепного пса Шамиля, но пса ухоженного, откормленного и холимого. А о чем еще может мечтать настоящий «пес войны»?

Так что Вахид своей жизнью был доволен. К ваххабизму, как и прочим «измам», он относился прохладно. Его богом стал Шамиль. Любой приказ Басаева Вахид исполнял не задумываясь. Потому что все, что делал Басаев, было обречено на успех. Так, во всяком случае, думал Вахид Шимаев. И переубедить его в этом было невозможно.

Поэтому, когда Шамиль в конце мая вызвал Вахида и сообщил, что ГКО поручает ему проведение операции в Греции, тот только и сказал:

– Я готов, Шамиль!

Потом были два с лишним месяца тщательной подготовки, которые закончились тайной погрузкой десятки боевиков в батумском порту на «Лазурь». Снаружи судно выглядело не очень внушительно, но оказалось, что на нем при желании можно надежно спрятать не то что

десять, а даже тридцать человек. И никакие таможенники с пограничниками их не найдут – разве что распилят судно на куски.

Досмотр в Батуми чеченцы пересидели в какой-то цистерне. Потом матрос перевел их в нежилую каюту. Там они безвылазно просидели до прихода в Грецию и снова переждали досмотр в цистерне.

Наконец, границу открыли и вскоре судно ошвартовалось в порту. Все тот же матрос перевел их в каюту и предупредил, что вечером их погрузят в машину и отвезут на место. Этим местом был лесок неподалеку от города Лаханокипос. Именно там их должен был поджидать человек ГКО в Греции.

Все прошло как по маслу. До цели оставалось совсем немного, когда трейлер остановили полицейские. Среди десяти боевиков был только один, худо-бедно понимавший по-гречески. Даже упорные двухмесячные занятия не позволяли остальным понимать беглую греческую речь.

Именно этот боевик, Турпал-али, и прошептал Вахиду:

– Полиция...

– Тихо! – прошипел Шимаев.

Его подчиненные замерли. Снаружи доносился приглушенный разговор водителя с полицией. Сути Вахид не понимал, но спокойные интонации свидетельствовали, что все в порядке. Когда Шимаев решил, что они проскользнут незамеченными и в этот раз, случилось непоправимое – кто-то из боевиков чихнул.

В пустой фуре этот чих прозвучал пистолетным выстрелом. Не могли не услышать его и снаружи. Вахид беззвучно выругался. Вины боевика здесь не было – при движении табачная пыль поднялась с пола, так что свербение в носу ощущал и сам Шимаев...

Им просто не повезло, но исправить ничего было уже нельзя. Мгновенно осознав это, Вахид высунулся из-под мешковины и шепотом скомандовал:

– Дауд, Лечи, Саид! К двери! Всех полицейских – сразу!

Секунду спустя три названных боевика выскользнули из-под мешковины и абсолютно бесшумно двинулись к дверям фуры. Еще три человека направились следом – страховать первую тройку.

Десятка «спецназа» ГКО состояла из настоящих воинов. Это были самые настоящие чеченские волки – без какого-либо преувеличения. В обычном спецподразделении отбор и отсеб происходит несколько «искусственно» – посредством физических и психологических тестов. Чеченских же «спецназовцев» экзаменовала сама жизнь. Те, кто не прошел ее суровый «отбор», давно покоились на кладбищах в Чечне либо пропали без вести и были тайно захоронены федералами.

Дауд, Лечи и Саид в темноте заняли позиции у дверей фуры и приготовили ножи. Везти с собой в Грецию огнестрельное оружие им не разрешили. Но чеченец без оружия – это все равно что чеченец без штанов. Поэтому у каждого из десятки имелись с собой колюще-режущие предметы. Конечно, не полуметровые тесаки, с которыми так любили позировать для видео тупые и тщеславные полевые командиры, а вещи более практичные – «катраны», например. Или метательные ножи.

Находившиеся снаружи греческие полицейские были обречены в любом случае – даже если бы они держали наготове оружие. Но им и в голову не могло прийти, какие «мигранты» прячутся в фуре Ангелоса Хапсалиса.

Дверь рывком распахнулась, темноту фуры прорезал луч фонаря. Дауду, Лечи и Саиду понадобилось около секунды, чтобы оценить ситуацию. Потом в воздухе коротко свистнули ножи.

Сделав свое дело, тройка подалась в сторону. В проем друг за другом прыгнули два боевика. Один из них увидел застывшего с выпученными глазами у обочины Хапсалиса и бросился на него. Второй боевик выглянул из-за фуры на полицейскую машину, потом быстро присел.

Секунду спустя он доложил:

– Вахид, это все!

– Точно? – быстро спросил Шимаев, показываясь в проеме.

– Да! Полицейская машина пустая!

– Тогда забрасывайте трупы! Быстро!

– А с этим что делать? – спросил чеченец, сбивший Ангелоса на обочину. – Кирдык?

Ангелоса Хапсалиса от немедленной смерти спасло только то, что он был без формы. Грек ни слова не понимал ни по-русски, ни по-чеченски, но в этот момент он вдруг отчетливо понял, что сейчас его убьют. И попытался вскрикнуть. Но крик застрял в его горле.

Вахид быстро посмотрел на грека. В его взгляде не было и намека на жалость – человеческая жизнь не имела для Шимаева никакого значения. Однако из чисто практических соображений Вахид пока что пощадил грека:

– Не спеши! Он нам может еще пригодиться. Спрячь его пока за трейлер! – Быстро оглянувшись, Шимаев увидел, что трупы уже погрузили в фуру, и скомандовал: – Все! Турпал – в кабину, остальные – в трейлер!

Боевики спрятались. Вахид тоже шагнул за трейлер и торопливо вытащил мобильник. Два телефона с роумингом ему выдал Шамиль. Набрав по памяти номер, Вахид нервно оглянулся.

Дорога пока что была пустынной, да и боевики попрятались, но все равно нужно было спешить. Застывшая на развилке пустая полицейская машина и трейлер с одиноким водителем по-любому выглядели подозрительно. А убивать еще кого-то было нежелательно – трупов и так хватало...

20

*Греция, Пирей,
август 2004 года*

Морской порт Пирей – это огромный комплекс береговых сооружений, растянувшийся на многие километры. Логинов так и не получил официальной информации от оргкомитета относительно того, где же будет находиться стоянка «Остердама». Но по некоторым нюансам Виктор сделал вывод, что лайнер поставят к «стенке». Да и слишком большой была российская делегация, чтобы организаторы решились возить ее членов туда-сюда на рейдовых катерах.

Исходя из этого, Виктор и решил посвятить остаток дня Пирею. Сунув руки в карманы, он двинулся по периметру ограждавшего порт забора. Несмотря на то, что солнце уже давно миновало зенит, назвать прогулку приятной было нельзя. Выпитое пиво практически сразу улетучилось через кожу, и Логинов очень быстро снова ощутил жажду.

Но нырять в какое-нибудь кафе он не стал. Логинова уже захватила работа – двигаясь вдоль забора, он пытался поставить себя на место террористов, которым нужно было проникнуть на территорию порта любой ценой. Обычным людям подобный «обход» показался бы пустой тратой времени и ничего бы не дал. Но Логинов был профессионалом. Годы службы в «Альфе» не прошли зря. Случайному наблюдателю могло показаться, что какой-то турист просто заблудился и теперь бредет в припортовом квартале наобум, надеясь в конце концов выбраться к остановке автобуса либо наткнуться на такси. На самом же деле Виктор напряженно работал. Его мозг впитывал в себя увиденное и со скоростью компьютера обрабатывал информацию. «Сухим остатком» этой работы должны были стать самые вероятные места проникновения террористов на территорию порта.

Однако после более чем двухчасовой изнурительной «экскурсии» Виктор пришел к выводу, что проникать в порт из Пирея террористам явно не с руки. Только тут Виктор зашел в кафе и осушил сразу три бутылочки колы. Утолив таким образом жажду, Логинов закурил и задумчиво уставился за окно.

Проникновение в порт было сопряжено для террористов со слишком большими трудностями. Вообще говоря, они могли пойти на то, чтобы взорвать одни из ворот автомобилем с террористом-смертником. А потом в неразберихе попытаться прорваться к «Остердаму» на каком-нибудь микроавтобусе. Но в этом случае греческий спецназ неминуемо прибыл бы на место на вертолетах в течение нескольких минут. Так что времени на сам захват судна террористам могло и не хватить. Ведь его на стоянке наверняка будут охранять полицейские. Может, им окажется и не под силу ликвидировать террористов, но задержать их до прибытия спецназа – вполне...

Вывод напрашивался сам собой – к судну террористы будут прорываться морем. Но и здесь все было не так просто. Вход в акваторию порта охраняли два натовских сторожевика и несколько быстроходных катеров. Так что «морской» вариант прорыва оставлял террористам не больше шансов на успех, нежели «сухопутный». А может, даже и меньше, если учесть, что обзор в море намного лучше...

Придя к этому выводу, Виктор затушил сигарету и повернулся к бару, показав палец. Не тот, вскидывание которого означает «фак ю», а указательный. Греческий язык не был сильной стороной Логинова. Английским он когда-то владел довольно неплохо, хотя и основательно подрастерял свои навыки в борьбе с чеченскими и национал-террористами. И те, и другие английским как-то не злоупотребляли.

Но в Греции от английского пользы было ровно столько же. Знали его только те, кто профессионально работал с иностранцами. Основная же масса греков не желала отягощать свой ум чуждыми словами. При всем при этом особых проблем Виктор не испытывал. Знание всего

нескольких стандартных фраз вроде «Вот прайз?» и «Ван бира, плиз!» делали пребывание иностранца в греческой столице вполне комфортным.

Вот и в этот раз бармен легко понял Логинова, и вскоре на столе Виктора уже стояла очередная, четвертая по счету, бутылочка колы. Осушив ее в три глотка, Виктор сунул руку в карман и развернул на скатерти компактный путеводитель по Афинам. Достопримечательности Виктора не интересовали. А вот достаточно подробная карта города и окрестностей была весьма кстати.

В очередной раз поведив по ней пальцем, Логинов задумчиво хмыкнул. Потом прикурил еще одну сигарету и побарабанил пальцами по столу. Непосредственно к Пирейскому порту примыкала еще одна бухта. На берегу этой бухты располагался древний городок Элевсин. И вот как раз этой бухтой на месте террористов и воспользовался бы Виктор. Ведь натовские сторожевики стояли дальше в море. Так что выход из бухты Элевсина в бухту Пирея оставался без надзора...

– Так-так, – проговорил Виктор, посмотрев на часы.

Было уже около шести вечера. На тщательный осмотр Элевсина должно было уйти не меньше двух часов. Плюс дорога. Так что на прием в посольстве по случаю прибытия российской олимпийской делегации Виктор не попадал никак.

Но это его беспокоило меньше всего. Поэтому он сложил карту, расплатился и вынырнул в банную атмосферу пирейского вечера. Как говорили древние, каждому свое. Кому-то – попивать коктейли в кондиционированной прохладе посольства, а кому-то – таскаться в портовых кварталах, изнывая от духоты и жары.

Но Логинов к этому относился спокойно. Это была его работа. Работа, которую он временами ненавидел, но без которой мог прожить не больше двух недель. После этого его начинало попросту «колбасить»...

21

*Греция, дорога Салоники – Лаханокипос,
август 2004 года*

– Хеллоу! – на английский манер ответили в телефоне.

– Привет из Батуми! – торопливо произнес слова пароля Вахид.

– С прибытием! – перешел на чеченский собеседник Шимаева. – Вы где? Я уже начал волноваться!

– Не знаю где. На какой-то развилке. У нас проблемы...

– На какой развилке? Что за проблемы?

– Тут на указателе написано «Лаханокипос – 7 км». Нас тормознули люди с полосатыми палками, пришлось успокоить их...

– Вот черт! Я понял! Ждите! Скоро буду!

Собеседник отключился. Вахид посмотрел на часы.

– Не спускай с него глаз! – скомандовал он боевику, охранявшему Ангелоса, и направился к кабине трейлера.

Открыв дверь, он легко забросил внутрь свое тренированное тело. Вскоре со стороны Салоников проехала легковушка. Вахид с Турпал-али, готовые к любым неожиданностям, неотрывно следили за ней взглядом, но водитель даже не притормозил.

Минуты через три со стороны Лаханокипоса показалась еще одна машина. И тут же у Вахида ожил мобильник.

– Это я! Ты где, в кабине?

– Да! – коротко ответил Вахид.

Несмотря на то что телефоны, по идее, были «незасвеченными» и говорили собеседники на чеченском, они старались лишнего в эфире не болтать. Несколько секунд спустя микроавтобус с какими-то надписями притормозил рядом с фурой.

Из него выбрался Аслан – человек ГКО, уже месяц как «натурализовавшийся» в Греции по почти настоящим документам. Ему было за сорок, а выглядел он вообще лет на пятьдесят – не очень высокий, грузный, начавший лысеть мужик.

Родился Аслан в Казахстане. И там же закончил восьмилетку. В его классе училось несколько этнических греков, с которыми Аслан дружил. Благодаря этому он не только понимал греческий, но и мог худо-бедно на этом языке изъясняться. Языковые навыки, полученные в детстве, не пропали даром и оченьгодились ГКО.

Поздоровавшись с Вахидом, Аслан скользнул взглядом по пустой полицейской машине и вздохнул:

– Нехорошо получилось... Всех положили?

– Трех полицейских. Водитель трейлера вон там...

Аслан бросил короткий взгляд за фуру и быстро сказал:

– Это хорошо. Может, и сработает...

– Что?

– Попробуем пустить власти по ложному следу. Несколько дней выиграем. Так! Слушай, что надо сделать...

22

*Греция, Элевсин,
август 2004 года*

Добравшись до Элевсина, Логинов утолил жажду, после чего принялся за работу. Уже беглая рекогносцировка на местности показала, что он на правильном пути.

С моря бухта Элевсина не просматривается. И тому есть своя причина. Эта бухта достаточно широка, но по форме напоминает изогнувшегося дождевого червяка либо английскую букву «s». Уже достаточно давно ее используют в качестве кладбища или отстойника кораблей. По берегам бухты, впритирку друг к другу, их стоят тысячи. Причем речь не идет о каких-то там сейнерах или катерах. Здесь стоят огромные океанские суда – газовозы, танкеры, балкеры, ролкеры. Одни морально устарели, другие встали на прикол из-за изменения рыночной ситуации.

Оглядев бесконечную вереницу судов, Логинов только головой покачал: в принципе, здесь можно было расквартировать целую армию террористов. И никто бы ни о чем не догадался.

Хотя навряд ли террористы прятались на судах. У этого кладбища, как и у земного, наверняка имелись смотрители и сторожа. Сейчас они, безусловно, были усилены полицейскими. Но необходимости прятаться на вставших на прикол судах у террористов не было.

Бухта Элевсина имела несколько причалов. А вот огорожены они не были. Кроме двух небольших торговых судов, у «стенки» стояло несколько десятков частных яхт и катеров. Охрана этого добра носила чисто символический характер.

– Так-так, – проговорил Логинов, нервно оглядываясь по сторонам.

У него вдруг возникло чувство, что в этот момент где-то поблизости прохаживается кто-то из террористов и кривит в ухмылке губы. Скорее всего, это было нервное.

Просто Виктор вдруг осознал, что при всей беспрецедентности мер безопасности у террористов есть шансы на проведение атаки. Причем атаки успешной – ввиду отсутствия охранной инфраструктуры, гарантировать, что террористы не воспользуются одним из многочисленных плав-средств бухты Элевсина, было нельзя.

Около часа Виктор потратил на изучение подходов к бухте. Элевсин оказался преимущественно малоэтажным городком с древними домами. И никаких усиленных полицейских кордонов и постов, как в Афинах и Пирее, Виктор здесь не обнаружил. Уже в сумерках он вернулся в припортовый квартал.

Древние Афины наконец-то накрыла долго-жданная прохлада. На рейде расцвели гирлянды огней. С моря подул прохладный ветерок. В центре греческой столицы в этот час былолюдно. Прятавшиеся целый день от жары аборигены и многочисленные гости Олимпиады выползали из своих укрытий. И любовались подсвеченным прожекторами Акрополем, который по ночам словно бы парил над древней греческой столицей.

Здесь же, в припортовых Пирее и Элевсине, после пяти вечера жизнь буквально замирала. Пустели улицы. И только в кафе, барах и прочих забегаловках наблюдался ажиотаж. Публика здесь, конечно, собиралась не очень воспитанная и образованная. Насчет профессий завсегдатаев-дам сомнений вообще не возникало. Это были жрицы. Только не олимпийских богов, а любви. Иногда за ними присматривали сутенеры с лоснящимися от кожного жира лицами и такими же лоснящимися, давно не мытыми курчавыми черными волосами. Иногда проститутки гуляли сами по себе. Но суть от этого не менялась.

Логинову не очень улыбалось тереться среди подобного контингента, но он слишком вымотался за день, чтобы искать заведения поприличнее или ехать в Афины. Его обезвоженный организм требовал жидкости, его иссушенный мозг требовал прохлады.

Поэтому Виктор выбрался на набережную Элевсина, повернул направо и, пройдя вдоль ряда светящихся вывесок, свернул к самой яркой. Впрочем, выигрыш оказался небольшим. Внутри довольно большого бара было накурено так, что хоть топор вешай. Со всех сторон доносился гул пьяных голосов. Окинув взглядом публику, Логинов понял, что большинство из нее иностранные моряки. Греков было мало.

Оглядевшись по сторонам, Виктор прошел к стойке и знаками показал, что он хочет очень-очень большую бутылку хорошего сухого вина. Вскоре бутылка появилась на небольшом столе, за который присел Виктор.

23

*Греция, окрестности озера Като-Ставрос,
август 2004 года*

Первым делом Турпал-али пересел в микроавтобус и направил его в сторону озера. За руль трейлера один из боевиков усадил дрожащего от страха Ангелоса. Трейлер тоже тронулся с места и повернул за микроавтобусом.

В это время забравшиеся в полицейскую машину Аслан с Вахидом нервно оглядывались по сторонам. И снова им немного не повезло. Еще до того, как трейлер скрылся из вида, со стороны Лаханокипоса показалась машина.

– Вот же черт! – покосился в зеркало Аслан. Однако увидев, что машина не собирается сворачивать, а направляется напрямик в Салоники, он быстро сказал: – А может, это и лучше!

В тот же миг Аслан врубил мигалку и резко тронул полицейскую машину с места. На удивленный взгляд Вахида он ответил короткой репликой:

– Раз так вышло, пусть запомнят, что за трейлером гнались полицейские!

Вахид неуверенно передернул плечами, но ничего говорить не стал. Аслан уже месяц торчал в Греции, так что ему было виднее...

До озера добрались без происшествий и нежелательных встреч. В смысле отдыха греки народ пунктуальный и организованный. В праздники и вечером они дисциплинированно релаксируют – пьют свое вино, поют свои песни и танцуют «сертаки». Так что переться на ночь глядя к какому-то озеру глушить электроудочками рыбу или же «приходить» на природе телок может прийти в голову разве только выходцам из бывшего СССР. Таких в этот вечер в окрестностях Лаханокипоса, к счастью для них самих, не оказалось.

На берегу Като-Ставроса кавалькада остановилась. Мертвого полицейского и национальных гвардейцев перегрузили в полицейскую машину. Саму машину перед этим по аппарели загнали в фуру. После этого за руль тягача сел Дауд. Разогнав трейлер, он спрыгнул на ходу. Тяжелая машина промчалась еще десяток метров и рухнула с обрывистого берега в воду.

Взметнув в ночное небо брызги, трейлер перевернулся набок и начал тонуть. Аслан посмотрел вниз с обрыва и сказал:

– Нормально! Пока найдут, пока будут возиться водолазы... Поехали!

Вахид последним забрался в грузовой отсек микроавтобуса. Аслан заставил проем ящиками. Закрыв дверь, он сел за руль и другой дорогой направил микроавтобус в объезд Салоников на юг.

Дорога предстояла дальняя. Но афинская трасса была пустынной. Под утро микроавтобус уже въехал в Мегару. Еще через двадцать минут он притормозил у ворот расположенной прямо на берегу моря виллы. Эту виллу Аслан снял по своим почти настоящим документам.

Загнав микроавтобус во двор, он убедился, что за время его отсутствия не была нарушена ни одна «контролька», и только после этого открыл грузовые двери микроавтобуса.

– Приехали! – сообщил он и убрал ящики. Боевики один за другим начали выбираться наружу и разминать затекшие конечности. – Давайте в дом! – кивнул Аслан. – Там открыто...

Вахид оглядел высокий забор и повернул голову к морю. Слева в ночном небе легко различалось огромное зарево.

– Это что? – спросил Вахид.

– Это Афины, – ухмыльнулся Аслан. – И Пирей тоже в той стороне, только ближе. Отсюда по морю до него не больше пятидесяти километров. Но сориентироваться на местности у нас время еще будет. А сейчас самое время подкрепиться и – на боковую...

Аслан и Вахид скрылись в доме. По дороге они коротко обговорили судьбу Ангелоса. Поскольку события развивались не совсем по плану, пока что решили сохранить греку жизнь и держать его в подвале.

Чеченец без оружия – не чеченец. Как и чеченец без раба в зиндане. Знал бы Ангелос Хапсалис, кто с его помощью проник на территорию древней Эллады, ни за что бы не ввязался в это дело. Но теперь было поздно – теперь ему на себе предстояло испытать, что такое борцы за независимость Ичкерии...

24

*Греция, Элевсин,
август 2004 года*

Греческая «Метакса» – напиток на любителя. Пить такую гадость Виктор стал бы только в самом крайнем случае. А вот среди греческих вин попадались настоящие шедевры. Причем каким-то странным образом качество напитка зачастую не слишком зависело от цены.

В баре на набережной Элевсина Логинову повезло. Чуть терпкое вино, казалось, впитало в себя и ароматы греческих гор, и ароматы моря, и сам дух древней Эллады. Каждый глоток Виктор делал с огромным наслаждением. Жажда быстро ушла, уступив место легкому опьянению и приятной расслабленности, когда хочется просто так сказать кому-нибудь приятное.

Впрочем, заговаривать с кем-либо в этом кабаке было себе дороже. Набравшиеся по самые брови, иностранные моряки, казалось, только и ждали случая, чтобы перевести вечер отдыха в более динамичное русло – с битьем бутылок, швырянием стульев и поножовщиной. Такое здесь, судя по всему, было не редкостью. Под стойкой бармена Логинов заметил ручку бейсбольной биты. А лицо торчавшего недалеко от входа вышибалы было украшено целой коллекцией разнообразных шрамов.

Общение же с размазанными жрицами любви сулило не меньше неприятностей. Они и так зыркали по сторонам в поисках объекта, чтобы окружить его своим продажным вниманием. Свяжись с такими – не отцепишься. Папарацци по сравнению с портовыми шлюхами – невинные ангелочки.

Допив вино до конца, Логинов с сожалением посмотрел на пустую бутылку. Казалось, тянуть эту темную жидкость можно было бесконечно – до самого утра, что, кстати, и делали греки. Но Виктору назавтра предстоял трудный день. Поэтому он принял соломоново решение – бар покинул, но прихватил с собой еще одну бутылку вина.

Покинув бар с бумажным пакетом под мышкой, Виктор вынырнул на улицу. Жара спала окончательно. От моря тянуло ласковой прохладой. И Логинов, собиравшийся тут же взять такси и ехать в Афины, решил немного пройтись вдоль набережной.

Прогулка того стоила. Шорохи моря, ласковый ветерок и загадочно подмигивающие с рейда огни расслабили Виктора окончательно. Миновав ряд баров, он двинулся по безлюдной улочке в сторону Пирея. Его шаги едва слышным эхом отражались от стен древних домов. Казалось, что Логинов переместился совсем в другой мир – на тысячи лет назад...

– Стоять, сука!!! – вдруг раздался из-за угла пьяный крик на английском.

Следом оттуда донеслись перестук женских каблучков, топот тяжелых ботинок и приглушенный вскрик...

25

*Египет, Александрия,
август 2004 года*

Технический танкер «Луксор» третий день стоял на рейде древней Александрии. Разрешения на вход в порт ему пока что не давали. Капитан и команда относились к этому абсолютно спокойно. Большинство из них даже не догадывалось, что обычная вроде задержка с постановкой под погрузку вызвана очень серьезными причинами.

На территории одного из береговых терминалов практически незаметно для посторонних шла подготовка к самому масштабному теракту в истории. Инженер Абукири являлся вице-президентом химической компании, которой принадлежал этот терминал порта. Поэтому его приезд в Александрию и работы, проводимые по его заданию, не могли вызвать каких-либо подозрений. Да и не тот у египтян менталитет, чтобы вникать в тонкости технологических процессов и пытаться понять их суть. Это только в бывшем СНГ каждый рабочий знает, что должен делать его директор, зато зачастую не справляется со своими собственными обязанностями. В Египте каждый знает только свою работу и в чужие дела не суется.

Поэтому команды Абукири персоналом терминала выполнялись неукоснительно. Единственным человеком, который мог бы что-то заподозрить, был управляющий терминалом. Но с ним приключилась странная болезнь – какое-то пищевое отравление. Сперва управляющий попал в больницу, а потом Абукири дал ему небольшой отпуск – поправить здоровье. Так что теперь только инженер понимал суть происходящего.

А происходила на терминале перекачка диметилсульфоксида из резервного хранилища в береговую цистерну и подготовка его к погрузке. Это вещество, не очень широко используемое в химической промышленности и медицине, никогда не относилось к числу опасных. И это, в общем-то, было правильно – обычный диметилсульфоксид с одним атомом кислорода в молекуле абсолютно безобиден.

И только человек, досконально разбирающийся в газах, мог додуматься превратить его в смертельное оружие. Именно таким человеком был Абукири. Он не был гением, просто такая у него была работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.